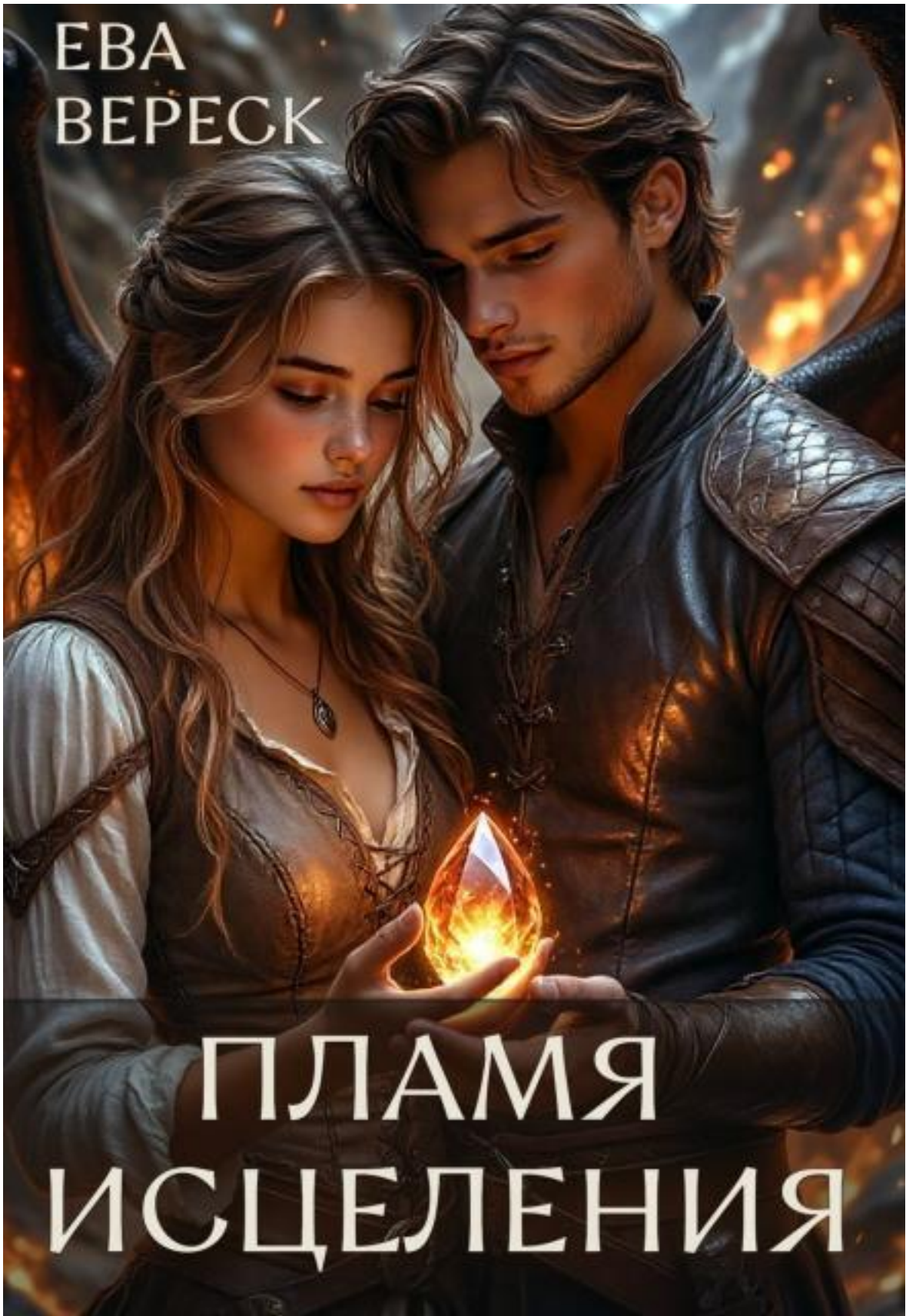

A detailed illustration of a young man and woman in a fantasy setting. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a white blouse with a dark vest. The man, on the right, has short brown hair and is wearing a dark, quilted leather jacket. They are both looking down at a glowing, teardrop-shaped crystal held in the woman's hand. The background is dark and smoky, with a large, bright orange flame or fire visible on the right side. The overall mood is romantic and mystical.

ЕВА
ВЕРЕСК

ПЛАМЯ
ИСЦЕЛЕНИЯ

Ева Вереск

Пламя исцеления

«Литнет»

2025

Вереск Е.

Пламя исцеления / Е. Вереск — «Литнет», 2025

Я была обычным врачом на скорой. Но, попав в мир драконов и магии, я стала пленницей и последней надеждой. Спаси принца Каэля — или умри. Но тёмная магия, убивающая его, не поддаётся обычному лечению. Чтобы исцелить его, мой дар должен сразиться с этой тьмой. И я чувствую: чтобы вытащить его из пропасти, мне придётся шагнуть в неё самой. Что, если дар — не благословение, а проклятие? Что, если единственный, кому я могу довериться, — тот, кого я должна бояться больше всех? И что, если в моих венах течёт кровь тех, кого драконы веками считали врагами? «Пламя исцеления» — история о силе, которая рождается на стыке страха и любви. О выборе между долгом и сердцем. О девушке, которой предстоит узнать: чтобы спасти мир, иногда нужно сначала разрушить себя. ♥#Любовное фэнтези с драконами и магией. ♥#Для тех, кто любит сильных героинь, сложных героев и миры, где любовь меняет правила игры.

© Вереск Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Мир перед глазами гас трижды, прежде чем я успела приглушить противный визг будильника. Четыре семнадцать. Город за окном тонул в глубоком, беспробудном сне, а мой личный ад только набирал обороты. В приемном покое стояла гробовая тишина, которую резали надвое: мертвый гул кондиционера и скрип двери в ординаторскую, звук, от которого я вздрагивала, будто от выстрела. Воздух был густой и тяжелый — коктейль из хлорки, лекарств и отчаяния. Тусклый свет выхватывал из тьмы облупившиеся стены, превращая их в декорации к дешевому триллеру.

Я потянулась за чашкой с кофе — холодной, как мои руки. «Не поможет», — прошипел в голове навязчивый голос. За эти три недели я проспала от силы часов двадцать. Усталость впи- валась в кости свинцовыми когтями, а мысли путались, словно спутанные нитки. «Еще четыре часа, — тупо устала я в темноту за окном. — Потом дом. Душ. Спать». Но я обманывала саму себя. Эта усталость была уже частью меня, моим вторым скелетом.

Мой дар... Нет, не дар. Проклятие. С детства я чувствовала то, чего не должны чувствовать люди. Чужое прикосновение — и в мозгу вспыхивал пожар: жар воспаленных тканей, тяжесть воды в легких, колющая агония нерва. Я проживала чужую боль, как свою. В мединсти- тUTE я научилась маскироваться, прикрываясь «интуицией». Но я-то знала правду. Мои руки читали тела, а я сходила с ума от этого, пытаюсь убедить себя, что я просто хороший диагност.

Мысленный круг рухнул, разорванный оглушительным треском телефона. Я вздрогнула, сердце прыгнуло в горло.

— Скорая. Заводская, 17. Мужчина, инфаркт.

Я выскочила на улицу, и ночь ударила мне в лицо ледяным дождем и порывом промозг- лого ветра. В голове щелкали отработанные алгоритмы: ЭКГ, нитроглицерин, морфин... Но на душе скребли кошки. Что-то надвигалось. Что-то неотвратимое.

Дом 17 был черной дырой на окраине — заброшенная двухэтажка с вырванной дверью. Из подъезда тянуло могильным холодом и тьмой, такой густой, что ее, казалось, можно было потрогать. Лестница скрипела под ногами, каждый шаг отдавался эхом в полной тишине. Воз- дух стал вязким, как сироп, и каждый вдох давался с боем.

Я нашла его в полуразрушенной квартире на втором этаже. Мужчина на грязном матрасе, лицо в липком поту, дыхание с хрипом. Пена в уголках губ.

— Я врач, — сказала я, и голос прозвучал чужим. Руки сами потянулись к его запястью. И мир взорвался.

Не боль. Не огонь. Нечто иное. Темная, живая, вязкая энергия, которая оплела его сердце ядовитыми щупальцами. Она была холодной и чужеродной, и она... увидела меня.

Я отдернула руку, как от ожога, едва не вскрикнув.

— Что... что это? — прошептала я, и голос сорвался.

Он открыл глаза. Они горели. Не метафора — они действительно светились адским золо- тым огнём, в котором плясали тени.

— Наконец-то, — его голос прозвучал у меня прямо в черепе. — Я ждал тебя, целитель- ница.

Я отпрянула, но было поздно. Дверной проем заполонили тени. Две фигуры. Их очертания плыли, а шаги были беззвучны. От них исходила такая мощная волна угрозы, что у меня свело живот.

— Не бойся, — первый поднялся с матраса с неестественной лёгкостью. Его голос обво- лакивал, как бархатная петля. — Ты нужна нам. В Эларионе.

— В каком ещё Эларионе?! — Я прислонилась к стене, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Сердце колотилось в паническом ритме, в висках стучало: «Беги!»

— Ты — последняя надежда для нашего принца.

Он протянул руку, и в этом жесте была вся вселенная. Что-то древнее и забытое во мне отозвалось на его зов тёплой волной, заставляя забыть о страхе. А разум в это время кричал в истерике.

И тогда пространство сдалось. Стены поползли, превратившись в ослепительный вихрь света и цвета, который закрутил меня, вырвал из привычного мира. Я падала, вскрикивая, в бездну, где оставались лишь его золотые глаза и слова, врезавшиеся в память навсегда:

— Добро пожаловать домой, Алина.

И я поняла. Это не конец. Это только начало.

Глава 1

Первый вдох стал шоком — ледяной, сырой воздух обжёг лёгкие. Я лежала на грубом каменном полу, и холод камня проникал в кости, как яд. Над головой плясали тени от факелов, вгрызаясь в непроглядную тьму сводчатого потолка. Воздух пах сыростью, вековой пылью и чем-то ещё... металлическим и чужим, отчего по коже бежали мурашки.

Я резко села, сердце заколотилось в животной панике. Несколько фигур в длинных плащах стояли неподалёку. Их лица скрывали глубокие капюшоны, из-за чего они казались безликими тенями в полумраке. В воздухе витало ощущение угрозы — едва уловимое, но от этого не менее пугающее. Я почувствовала, как сердце забилось еще быстрее, а ладони мгновенно вспотели.

— Где я? — прошептала я, оглядываясь по сторонам. Голос прозвучал хрипло, словно чужой.

Один из незнакомцев шагнул вперёд. Его голос звучал глухо, будто доносился из-под земли:

— Ты в Эларионе, целительница. Мы ждали тебя.

Эларион. Это слово ударило по памяти, как молоток. Вспышка: золотые глаза в полутьме, воронка из света.

— Нет... — прошептала я, отползая. — Это невозможно. Отпустите меня!

— Принц Каэль умирает. Только ты можешь извлечь яд, пожирающий его душу.

Я рассмеялась, но смех вышел нервным и коротким.

— Я врач, а не волшебница. Я ставлю капельницы и зашиваю раны, а не борюсь с ядами душ! И я не знаю никакого принца Каэля. Вы с кем-то спутали меня!

— Никакой ошибки нет. Ты — избранная целительница, — произнёс незнакомец. Чуть помедлив, он сказал: — Только так ты сможешь вернуться домой.

В его словах прозвучала такая неоспоримая правда, что дрожь пробежала по спине. Возвращение домой. Это стало крючком, зацепившимся за самое дно моей души. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Страх боролся с отчаянной, безумной надеждой.

Воспоминания о прошлой жизни вдруг показались такими далёкими, почти нереальными. Моя квартира, заваленная медицинскими книгами и журналами, одинокие вечера с чашкой чая и книгой, редкие встречи с друзьями, которые всё чаще откладывались из-за работы — всё это теперь казалось таким незначительным по сравнению с тем, что происходило сейчас.

Но в то же время я ощутила острую тоску по привычному миру. По запаху больничных коридоров, по шуму города за окном, по простым радостям повседневной жизни. Неужели я больше никогда не увижу свой дом, своих друзей?

— Пойдём, — сказал один из них, протягивая руку. — Король ждёт.

Меня повели по лабиринту коридоров. Гигантские гобелены с вытканными драконами, казалось, следили за мной горящими глазами. Шёпот, доносящийся из-за колонн, затихал, едва я поворачивала голову. Этот замок был живым, и он изучал меня.

В одном из залов я заметила группу людей в роскошных одеждах. Они перешёптывались, бросая на меня любопытные, настороженные взгляды. Их глаза блестели от интереса и недоверия, а в движениях сквозила сдержанность и настороженность.

Наконец мы вышли в огромный тронный зал. Высокие колонны, украшенные резьбой, поддерживали свод, а пол был выложен мозаикой, изображающей сцены из древних легенд. В центре на возвышении стоял трон, украшенный драгоценными камнями — рубинами, сапфирами и изумрудами, которые переливались в свете магических светильников. На троне сидел

мужчина в золотых доспехах. Его глаза светились тем же золотистым светом, что и у того мужчины в заброшенной квартире.

— Ваше Величество, — произнёс мой провожатый, низко поклонившись. — Я привёл целительницу.

Король медленно поднял голову и посмотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим, словно он мог прочесть все мои мысли и страхи.

— Так вот она, последняя надежда, — его голос был тихим, но он прозвучал с силой удара грома. Он скользнул взглядом по моему лицу, по моей простой, земной одежде. В его взгляде не было веры. Лишь холодный расчёт и отчаяние.

Я кивнула, чувствуя, как дрожат колени. Сердце билось так громко, что, казалось, его стук мог услышать весь зал.

— Я... я врач. И я сделаю всё возможное, чтобы помочь вашему сыну.

Король слегка улыбнулся, но в его улыбке не было тепла.

— Хорошо. Ты пойдёшь в покои принца Каэля и оценишь его состояние. Если ты не сможешь ему помочь... — он сделал паузу, и в зале повисла тяжёлая тишина, — ты ответишь за это головой.

Я сглотнула, но твёрдо ответила:

— Я понимаю. Я сделаю всё, что в моих силах.

Король махнул рукой, и один из слуг повёл меня к покоям принца. По дороге я пыталась собраться с мыслями, понять, что ждёт меня впереди.

Но как мне применить свои земные знания здесь? Что, если магия этого мира несовместима с моей медициной? И что, если принц Каэль действительно находится в критическом состоянии?

Чем ближе мы подходили к покоям принца, тем тяжелее становилось на душе. Я чувствовала, как напряжение нарастает, как страх смешивается с любопытством и решимостью.

Вот и дверь в покои принца. Слуга поклонился и тихо сказал:

— Его высочество ждёт тебя.

Я глубоко вздохнула, толкнула дверь и вошла в комнату.

Первое, что бросилось в глаза, — бледное лицо принца Каэля. Он лежал на кровати, окружённый магическими светильниками, которые отбрасывали мягкий, призрачный свет. Его кожа казалась почти прозрачной, а дыхание было едва заметным, словно тонкий шёпот ветра.

Я подошла ближе, осторожно коснулась его руки. И тут же отдернула её. Тот самый ледяной укус. Знакомая тёмная энергия, которую я ощутила в том заброшенном доме. Она пульсировала под его кожей, живая и ядовитая. Но теперь я видела её источник — на его запястье, прямо над веной, чёрным пятном горел странный, извилистый символ. Он был похож на спящего скорпиона.

«Что это?» — пронеслось в голове.

И в тот же мир магические светильники с шипением погасли, погрузив комнату в абсолютную, слепящую тьму. Где-то с грохотом захлопнулась дверь, отрезая путь к отступлению. Я замерла, прижавшись к стене, слушая лишь прерывистое дыхание принца.

А потом в темноте, прямо у моего уха, раздался шёпот. Чужой, шипящий и полный ненависти.

«Тронь его — и твой мир сгорит, целительница».

Глава 2

Я открыла глаза и несколько мгновений лежала неподвижно, пытаюсь собрать разрозненные фрагменты воспоминаний. Где я? Что произошло? Воспоминания накатили волной: заброшенная квартира, странный мужчина с золотистыми глазами, вихрь света — и вот я здесь, в этом чуждом мире.

Комната, в которой я проснулась, оказалась небольшой и уютной, но какой-то... домашней, что ли. Низкие балки на потолке, стены, обитые тёмными деревянными панелями, узкое окно, сквозь которое пробивались лучи утреннего солнца. В углу стояла простая кровать с грубым шерстяным одеялом, рядом — небольшой стол и стул. На полу лежал плетёный коврик, который чуть приглушал шаги. Мебель была простая, без лишних украшений, но в обстановке чувствовалось тепло и уют, которые так редко встречаются в больничных палатах.

Я поднялась, ощупала себя: всё та же одежда — медицинский халат и брюки. Но где я? И что случилось с принцем Каэлем? Я ведь даже не успела ничего сделать... Мысли кружились в голове, словно листья в осеннем ветре. Сердце билось быстрее, и я чувствовала, как страх и растерянность смешиваются с любопытством. Что ждало меня здесь? Смогу ли я вернуться домой? Или это место теперь станет моим новым домом, нравится мне это или нет?

В дверь тихонько постучали, и тут же она приоткрылась. В комнату вошла женщина — полноватая, с добродушным лицом и седыми волосами, собранными в аккуратный узел. На ней было простое платье из грубого полотна и передник, испачканный мукой. От неё пахло хлебом и чем-то пряным, домашним.

— Доброе утро, целительница, — сказала она мягким, ласковым голосом. — Я принесла вам завтрак.

Она поставила на стол тарелку с горячей кашей и кружку с каким-то ароматным напитком. От кружки поднимался лёгкий пар, а запах... Я не могла точно определить, что это за напиток, но он напоминал мне о чём-то тёплом и уютном, о доме, о детстве. В каше чувствовалась лёгкая сладость, и я невольно слотнула слюну — я была так голодна, что готова была съесть всё, что угодно.

Женщина смотрела на меня с лёгкой улыбкой, и в её глазах я видела доброту и заботу. Она не была похожа на тех, кто хочет мне зла. Может, здесь были люди, которые помогут мне разобраться в происходящем?

— Спасибо, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто вы? Где я нахожусь?

Женщина села на стул напротив меня и ответила:

— Меня зовут Марфа. Я кухарка в этом замке. Вы находитесь в Эларионе, в замке короля. Когда свет в комнате погас, вы потеряли сознание, так и ничего не сделав с принцем. Стража принесла вас сюда, а я о вас позаботилась.

Я внимательно смотрела на Марфу, пытаюсь уловить в её словах намёк на насмешку или злобу, но видела лишь искренность и участие. Может, она и правда хотела помочь?

— А что случилось с принцем? — спросила я, чувствуя, как сердце замирает от тревоги. — Он... он жив?

Марфа кивнула:

— Да, принц жив, но его состояние по-прежнему тяжёлое. Король очень обеспокоен и ждёт от вас чудес, целительница.

Я вздохнула, чувствуя тяжесть ответственности. Чудес... Я ведь всего лишь врач, хоть и с необычным даром. Смогу ли я помочь принцу в этом странном мире, где магия и реальность переплетаются так тесно?

— Марфа, — сказала я, глядя ей в глаза, — расскажите мне, как я сюда попала. Что произошло после того, как я коснулась руки принца?

Кухарка задумчиво посмотрела в окно, словно вспоминая детали.

— Вы коснулись его руки, потом вдруг побледнели и упали без сознания. Свет в комнате погас, и стражники вынесли вас оттуда. Они принесли вас сюда, в эту комнату, и я ухаживала за вами, пока вы спали.

Я кивнула, пытаюсь сопоставить её слова со своими воспоминаниями. Да, всё сходилось... Но как же это было возможно? Как я оказалась в этом мире? И что за тёмная энергия окутывала сердце принца?

— Целители стали очень редкими в последние столетия, — продолжила Марфа, словно прочитав мои мысли. — Многие из тех, кого сейчас так называют, просто умельцы делать примочки и промывать раны. Настоящих целителей — тех, кто может видеть суть болезни и исцелять её силой своего дара, — почти не осталось.

Её слова заставили меня задуматься. Может, мой дар — это то, что они называют целительским даром? Но как он работает в этом мире? И смогу ли я применить свои знания здесь?

Я решила задать ещё один вопрос:

— Марфа, а как вы относитесь к целителям? Вы верите в их силу?

Она улыбнулась:

— Конечно, верю. В наших преданиях говорится о великих целителях, которые могли исцелять даже самые тяжёлые раны и болезни. Но сейчас... сейчас времена изменились. Многие забыли, что такое настоящий целительский дар.

В её голосе слышалась грусть, и я понимала, что для неё целители — это не просто лекари, но и носители древней мудрости и силы.

Вдруг дверь открылась, и в комнату вошёл стражник. Его доспехи тускло блестели в лучах утреннего солнца, а взгляд был суров и непреклонен.

— Целительница, — сказал он, глядя на меня без тени эмоций, — король желает видеть вас. Следуйте за мной.

Я встала, чувствуя, как внутри всё сжалось от тревоги. Король... Его реакция на моё неудачное первое посещение покоев принца могла быть непредсказуемой. Что он скажет? Отпустит ли меня или прикажет казнить за бесполезность?

Марфа проводила меня взглядом, в котором читалось сочувствие и лёгкая тревога.

— Удачи вам, целительница, — прошептала она.

Я кивнула и пошла за стражником, пытаюсь собраться с мыслями. Что ждало меня впереди? Смогу ли я оправдать надежды короля и Марфы?

Мы шли по коридорам замка, и я не могла не заметить, как утром замок выглядел иначе. Стены, которые вчера казались мрачными и угрюмыми, теперь словно ожили в лучах утреннего солнца. На гобеленах, украшающих стены, были изображены сцены из жизни драконов и рыцарей, и в каждом рисунке чувствовался дух древности и величия. Магические светильники, которые вчера отбрасывали призрачный свет, теперь сияли ярче, наполняя пространство мягким, тёплым светом.

Коридоры были украшены цветочными гирляндами, и в воздухе витал лёгкий аромат цветов. Я заметила, как сквозь узкие окна пробивались лучи солнца, рисуя на полу причудливые узоры. Замок словно просыпался вместе с новым днём, и в его атмосфере чувствовалось не только величие, но и какая-то нежная, почти домашняя теплота.

Но, несмотря на красоту окружающего мира, я не могла забыть о цели своего визита — принце Каэле и его тяжёлом состоянии. Смогу ли я ему помочь? И что ждало меня, если я потерплю неудачу?

Мы подошли к тронному залу, и я замерла от величия зрелища. Высокие колонны, украшенные резьбой, поддерживали свод, а пол был выложен мозаикой, изображающей сцены из древних легенд. В центре на возвышении стоял трон, украшенный драгоценными камнями — рубинами, сапфирами и изумрудами, которые переливались в свете магических светильников.

На троне сидел король. Его золотые доспехи блестели, а глаза светились тем же золотистым светом, что и у того мужчины в заброшенной квартире. Его лицо было сурово, а взгляд — тяжёлый и пронизывающий.

— Ты пришла, целительница, — произнёс он холодным голосом. — Я ждал тебя.

Я сделала реверанс, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри всё дрожало от тревоги.

— Ваше Величество, — начала я, — я готова сделать всё возможное, чтобы помочь вашему сыну.

Король резко оборвал меня:

— Твои слова звучат красиво, но дела говорят громче. Ты не смогла помочь принцу вчера, и теперь я начинаю сомневаться в твоих способностях. Может, ты вовсе не целительница, а обманщица?

Его слова ранили меня, но я старалась не показывать своих чувств.

— Ваше Величество, я лишь начала своё исследование, — ответила я, стараясь говорить твёрдо. — Тёмная энергия, которая окутывает сердце принца, не похожа ни на что, с чем я сталкивалась раньше. Мне нужно больше времени и возможностей для изучения его состояния.

Король усмехнулся, и в его усмешке не было ни капли доброты.

— Время — это то, чего у нас нет. Если ты не сможешь исцелить принца, то ответишь за свою бесполезность головой.

Я сжала кулаки, чувствуя, как гнев смешивается с отчаянием. Но я должна была держать себя в руках.

Внезапно я заметила стражника, стоящего неподалёку. Его лицо было скрыто под шлемом, но я чувствовала, что он напряжён. Я решила рискнуть и использовала свой дар. Коснулась его руки и тут же отдернула её, почувствовав острую боль в его спине.

— У тебя грыжа межпозвоночного диска, — сказала я вслух, не скрывая удивления. — Ты чувствуешь боль в пояснице, особенно при долгих стояниях или ходьбе.

Стражник покраснел и опустил взгляд.

— Да, ваше высочество... то есть, целительница... — пробормотал он. — Я... я старался не показывать, но боль иногда становится невыносимой.

Король удивлённо посмотрел на меня, затем на стражника.

— Это правда? — спросил он.

Стражник кивнул, не поднимая глаз.

Король задумчиво потёр подбородок, глядя на меня с новым интересом.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Ты получишь второй шанс исцелить принца. Но если ты не справишься, то будешь публично казнена. Я выделю тебе маленькую комнатку и одежду, соответствующую твоему статусу. А потом приведите ко мне Халоэрта. Он должен увидеть твои способности и подтвердить их.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает меня.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Я сделаю всё возможное.

Король махнул рукой, отпуская меня. Я пошла к выходу, чувствуя на себе его тяжёлый взгляд. Теперь у меня было время и шанс. Но цена неудачи была слишком высока.

Меня привели в маленькую комнатку, которая, судя по расположению, находилась недалеко от покоев принца. Комната была скромная, но уютная: узкая кровать, небольшой стол, стул и окно, из которого открывался вид на внутренний двор замка.

Я подошла к окну и замерла, поражённая красотой пейзажа. Внутренний двор утопал в зелени, по его краям росли цветущие кустарники, а в центре — фонтан, из которого били струи воды. Вдали виднелись горы, вершины которых были покрыты снегом, а небо было такое синее, что казалось почти нереальным.

Ветер приносил аромат цветов и свежести, и я на мгновение забыла о своих тревогах, погрузившись в созерцание этого прекрасного мира. Но вдруг мысли вернулись к принцу, к его тяжёлому состоянию, и я вновь почувствовала тяжесть ответственности.

Что ждало меня впереди? Смогу ли я разгадать тайну болезни принца и помочь ему? И что станет с моей жизнью, если я потерплю неудачу? Вопросы кружились в голове, не давая покоя. Но я знала одно: я должна была попытаться. Ради принца, ради себя и ради тех, кто верил в меня.

Я отвернулась от окна и оглядела комнату. Здесь всё было такое чужое, но в то же время... почти родное. Может, это место и правда станет моим домом? Или я всё-таки найду способ вернуться в свой мир?

Пока эти мысли кружились в моей голове, я чувствовала, как решимость крепнет внутри меня. Я должна была сделать всё возможное, чтобы спасти принца Каэля и разгадать тайны этого удивительного мира. Но сначала... сначала мне нужно было понять, с чем я столкнулась.

Глава 3

В тот день, когда в мою комнату постучали, я сидела у окна, погружённая в свои мысли. Я смотрела на внутренний двор замка, на цветущие кустарники и фонтан, и в то же время мой разум был далеко — я размышляла о принце Каэле, о том, как ему помочь, и о том, смогу ли я когда-нибудь вернуться домой.

Стук в дверь вывел меня из задумчивости. Я встала и подошла к двери. Открыв её, я увидела высокого старика с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Его глаза, несмотря на возраст, были ясными и живыми. Он смотрел на меня с лёгкой улыбкой, и в его взгляде я уловила что-то необычное — теплоту и, кажется, сочувствие.

— Ты целительница Алина? — спросил он мягким, чуть хриплым голосом.

— Да, это я, — ответила я, чувствуя, как сердце забилось чуть быстрее. — А вы, должно быть, Халоэрт?

Он кивнул:

— Верно, я Халоэрт. Король велел мне познакомиться с тобой и оценить твои способности.

Я пригласила его войти, и он медленно переступил порог моей комнаты. Его движения были неторопливыми, но в них чувствовалась удивительная лёгкость, словно годы не имели над ним власти.

Халоэрт огляделся, словно оценивая обстановку, затем сел на стул, который я ему указала. Я села напротив, чувствуя, как волнение смешивается с любопытством.

— Расскажи мне о себе, целительница, — попросил он, глядя мне в глаза. — Как ты оказалась в Эларионе?

Я вздохнула, собираясь с мыслями, и начала рассказывать о том, как всё началось: о полумраке, факелах, незнакомцах в плащах и внезапном перемещении в этот мир. Халоэрт слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая.

Когда я закончила, он задумчиво посмотрел на меня:

— Твой путь необычен, Алина. В тебе есть искра, которую я давно не встречал в других целителях. Твои предки тоже были целителями?

— Нет, — ответила я. — Я врач из другого мира, где магия не играет такой важной роли, как здесь. Но, похоже, мой дар как-то связан с этим миром.

Халоэрт улыбнулся:

— Дар — это лишь инструмент, Алина. Важно то, как ты им распорядишься. Твои способности могут оказаться куда могущественнее, чем ты думаешь.

Я посмотрела на него с надеждой:

— Расскажите мне больше о мире Элариона. Что случилось с принцем Каэлем? И как мне здесь себя вести? И... возможно ли вообще вернуться в мой мир обратно?

Халоэрт рассмеялся, услышав количество моих вопросов, но в его смехе не было насмешки — лишь теплота и понимание.

— Вопросы правильные, — сказал он. — Но ответов на некоторые из них у меня нет. Возвращение в твой мир... Мне ничего об этом неизвестно. Эларион — место загадочное, и пути сюда могут быть столь же загадочны.

Он рассказал мне об устройстве мира: о драконах, которые когда-то правили этими землями, о рыцарях, защищавших королевство, и о целителях, чьи дары были столь велики, что могли менять ход событий. Халоэрт поведал, что его предки были настоящими целителями, способными видеть суть вещей и исцелять самые тяжёлые болезни. Но ему достался лишь тусклый дар врачевания — он мог лечить раны и облегчать боль, но не обладал той силой, что была у его предков.

— Однако я могу видеть искру силы в других, — добавил он, глядя на меня. — И в тебе я вижу эту искру, Алина. Твой дар особенный, и ты можешь стать величайшей целительницей Элариона.

Я слушала его с замиранием сердца, пытаюсь осознать услышанное. Может ли это быть правдой? Могу ли я действительно обладать таким могуществом?

Затем Халозэрт перешёл к рассказу о принце Каэле. Он описал, как принц был сильным и здоровым юношей, но внезапно его состояние начало ухудшаться. Никто из местных целителей не мог понять причину болезни, и король уже начал терять надежду.

— Тёмная энергия, которая окутывает сердце принца, — это нечто, с чем я никогда раньше не сталкивался, — сказал Халозэрт. — Твои способности могут оказаться единственными, способными победить эту болезнь.

Я кивнула, чувствуя тяжесть ответственности. Но вместе с тем во мне зарождалась решимость. Если я единственная, кто может помочь принцу, то я должна сделать всё возможное.

— А как мне себя вести в Эларионе? — спросила я, желая узнать больше о местных обычаях и нравах.

Халозэрт рассказал мне о том, что в замке следует соблюдать определённые правила этикета, уважать короля и его придворных, а также быть осторожной в своих словах и поступках. Он предупредил, что не все в замке будут рады появлению чужеземной целительницы, и посоветовал быть бдительной.

Наш разговор длился долго. Халозэрт оказался не только мудрым целителем, но и интересным собеседником. Он рассказывал мне о древних легендах, о силе магии и о том, как важно сохранять баланс между разумом и душой.

С каждым его словом я всё больше понимала, насколько сложен и удивителен мир Элариона. Здесь магия и реальность переплетались так тесно, что порой было трудно различить, где заканчивается одно и начинается другое.

Когда Халозэрт собрался уходить, я задержала его:

— Скажите, почему вы относитесь ко мне с такой теплотой? Вы словно переживаете за меня или сочувствуете мне. Почему?

Он посмотрел на меня с мягкой улыбкой:

— Потому что я вижу в тебе не просто целительницу, Алина. Я вижу человека, который оказался в чуждом мире, вдали от дома и близких. Ты храбра и решительна, и я хочу помочь тебе найти путь в этом новом мире.

Его слова тронули меня до глубины души. Я почувствовала, что в этом огромном и загадочном замке у меня появился союзник.

После ухода Халозэрта я долго сидела у окна, размышляя о его словах. В его взгляде и голосе было столько доброты и понимания, что я не могла не проникнуться к нему симпатией.

Но вместе с тем меня не покидали мысли о принце Каэле и о том, как помочь ему. Я понимала, что путь к исцелению будет долгим и трудным, но теперь у меня была надежда — и поддержка Халозэрта.

Вечером, лёжа в кровати, я вновь и вновь прокручивала в голове наш разговор. Вопросы о возвращении домой всё ещё терзали меня, но я знала, что сейчас моя главная задача — помочь принцу. И если для этого мне придётся остаться в Эларионе, то я готова к этому.

Но в глубине души я всё же надеялась, что однажды найду путь обратно домой. Ведь там остались мои друзья, моя работа, моя прежняя жизнь... Смогу ли я когда-нибудь увидеть их снова?

Эти мысли не давали мне уснуть, но в то же время в моём сердце теплилась искра надежды. Я была в новом мире, среди новых людей, но у меня были цель и смысл. И пока это так, я готова идти вперёд, навстречу неизвестности.

Глава 4

Утро выдалось хмурым. Серое небо нависло над замком, и тяжёлые капли дождя стучали по каменным плитам двора. Я стояла перед массивной дубовой дверью покоев принца Каэля и никак не могла заставить себя постучать. Ладони вспотели, сердце колотилось где-то в горле. Что я увижу за этой дверью? И что смогу сделать?

Собрав волю в кулак, я тихо постучала. Дверь бесшумно отворилась — словно её ждали. Внутри царил полумрак: плотные бархатные шторы задернуты, лишь несколько свечей мерцали на резном столике у кровати. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом ладана и горьких трав.

Я шагнула внутрь и замерла.

На огромной кровати под балдахином лежал юноша. Даже в тусклом свете было видно, насколько он бледен: кожа почти сливалась с белоснежными простынями, а тёмные волосы казались чёрными пятнами на фоне подушки. Ему, наверное, лет восемнадцать-двадцать — совсем ещё мальчик. Но в чертах лица уже угадывалась будущая стать: высокий лоб, прямой нос, чётко очерченные скулы. Только губы были синеватыми, а дыхание — прерывистым, едва заметным.

Я подошла ближе, стараясь не шуметь. Руки сами потянулись к его запястью — пульс был слабым, неровным, словно птица, бьющаяся в клетке. Прикрыв глаза, я попыталась «прочувствовать» его состояние — и тут же отпрянула. Тёмная энергия, о которой говорил Халоэрт, окутывала принца плотным коконом. Она пульсировала, словно живое существо, высасывая из него жизненные силы.

— Он угасает, — раздался за спиной холодный голос.

Я обернулась. В углу, скрестив руки, стояла высокая женщина в строгом чёрном платье. Её лицо было словно высечено из камня: резкие черты, узкие губы, пронзительные серые глаза.

— Леди Эвридика, придворная советница, — представилась она, не дожидаясь моего вопроса. — Вы, должно быть, та самая «целительница», о которой все говорят.

В её тоне не было ни капли уважения — лишь скепсис и едва скрытое презрение.

— Я пытаюсь помочь, — тихо ответила я, снова поворачиваясь к принцу.

— Пытаетесь? — она шагнула ближе, и я почувствовала запах её резких духов — смеси жасмина и чего-то металлического. — Или просто тянете время, пока он умирает?

Я сжала кулаки. Хотелось ответить резко, но я сдержалась. Сейчас главное — не конфликт, а принц.

— Вы не понимаете, с чем мы имеем дело, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Это не обычная болезнь.

— Конечно, — она усмехнулась. — Всегда найдётся оправдание, когда целитель бессилен.

Я не ответила. Вместо этого снова приблизилась к принцу, осторожно приподняла его руку, провела ладонью над грудью, пытаясь уловить ритм его дыхания, биение сердца. Тёмная энергия сопротивлялась, будто отталкивала меня. Но где-то глубоко, под этой тьмой, ещё теплилась жизнь.

— Ему нужно больше света, — сказала я, наконец. — И свежий воздух. Эти стены душат его.

Леди Эвридика фыркнула:

— Вы смеете давать советы в королевском замке?

— Я смею делать то, что необходимо, — я развернулась к ней, глядя прямо в глаза. — Если вы хотите спасти принца, дайте мне работать. Если нет — уйдите и не мешайте.

Она замерла, явно не ожидая отпора. На мгновение в её взгляде промелькнуло что-то вроде удивления, но тут же сменилось привычной ледяной маской.

— Посмотрим, что скажет король, — бросила она и вышла, громко хлопнув дверью.

После её ухода я вздохнула с облегчением, но напряжение не отпускало. Нужно было действовать.

Я раздвинула шторы — тусклый дневной свет проник в комнату, и принц слегка пошевелился, будто почувствовал тепло. Открыв окно, я вдохнула влажный воздух — в нём смешивались запахи дождя, травы и далёкого моря. Это помогло немного прояснить мысли.

Покои принца оказались просторными: массивная кровать, резной шкаф, стол с чернильницей и пергаментами, несколько кресел у камина. На стенах — гобелены с изображением битв и королевских охот. Всё выглядело величественно, но... безжизненно. Будто это место давно не знало радости.

Решив, что мне нужно лучше понять этот мир, я вышла в коридор. Замок жил своей жизнью: слуги сновали с подносами, стражники стояли на постах, где-то вдали звучали голоса придворных. Я шла, разглядывая всё вокруг — высокие своды, витражные окна, мозаичные полы.

Здесь всё было таким *другим*. Не только архитектура, но и люди — их одежда, манеры, даже походка. Женщины носили длинные платья с корсажами, мужчины — камзолы и сапоги. В воздухе витал запах воска, благовоний и чего-то древнего, будто сам замок хранил память веков.

Я спустилась в сад. Дождь уже стих, и на листьях блестели капли, словно россыпь бриллиантов. Дорожки были выложены мелкой галькой, вдоль них росли цветы с незнакомыми мне названиями — их лепестки переливались всеми оттенками фиолетового и синего.

Здесь, среди зелени, я наконец смогла перевести дух. Но мысли снова вернулись к принцу. Что же с ним происходит? Почему никто до сих пор не смог ему помочь?

К слову, мой медицинский халат давно привлекал косые взгляды. Ещё утром мне принесли новое платье — из мягкой тёмно-зелёной ткани, с длинными рукавами и высоким воротником. Оно было красивым, но непривычным: тяжёлое, сковывающее движения. Я долго крутилась перед зеркалом, пытаясь привыкнуть к отражению. Теперь я выглядела как местная аристократка, а не как врач из другого мира.

И это тоже угнетало. Я чувствовала себя актрисой, играющей чужую роль. Где-то внутри ещё жила Алина — та, что работала в больнице, ставила диагнозы, спасала жизни. Но здесь... здесь я была кем-то другим.

«Ты целительница, — напомнила я себе. — И ты должна помочь».

Когда я снова вошла в его покои, принц приоткрыл глаза. Они были ясными, почти прозрачными, как горный хрусталь.

— Ты... — его голос звучал слабо, но отчётливо. — Ты не такая, как они.

Я присела рядом, осторожно взяв его за руку.

— Что вы чувствуете? — спросила я.

Он закрыл глаза, будто собираясь с силами.

— Холод. Он внутри меня. И... голос.

— Голос?

— Да. Он шепчет. Обещает покой. Но я знаю — это ложь.

Его пальцы дрожали. Я попыталась сосредоточиться, снова «прощупать» его ауру. Тёмная энергия пульсировала сильнее, но теперь я видела в ней трещины — будто мой контакт с принцем ослабил её хватку.

— Я не дам вам сдать, — сказала я твёрдо. — Мы найдём способ.

Он улыбнулся — едва заметно, но в этой улыбке было больше жизни, чем за всё время, что я его наблюдала.

А за дверью, в коридоре, я уловила движение. Кто-то стоял там, наблюдая. Но когда я выглянула, никого не было. Только эхо шагов растворилось в тишине замка.

Глава 5

Дни в замке тянулись медленно, словно вязкая патока. Каждый миг казался бесконечным, а тишина замка давила на душу. Я проводила в покоях принца Каэля почти всё время. Его состояние было тяжёлым — он почти не приходил в себя, но я не сдавалась. В моих глазах блеснула решимость: я должна была помочь ему, чего бы это ни стоило.

Сначала я взялась за самые простые, но важные вещи — наладила гигиену. Покои принца пропитались тяжёлым запахом болезни, постель давно нуждалась в смене, а тело принца — в купании. Я созвала служанок и твёрдо заявила, что необходимо немедленно принять меры. Служанки поначалу смотрели на меня с недоверием, их взгляды были полны скептицизма. Одна из них, пухленькая женщина с седыми волосами, фыркнула: «Разве это поможет принцу? Он же не от грязи страдает!» Но я терпеливо объяснила, почему важно соблюдать режим и следить за чистотой. Я говорила о том, как гигиена может способствовать выздоровлению, как чистота воздуха и постельного белья помогает организму бороться с недугом. Постепенно служанки прониклись моими словами и согласились помочь.

Следующим шагом стала диета. Пища должна быть лёгкой, но питательной — таково было моё твёрдое убеждение. Я обсудила меню с главным поваром, и тот, хоть и неохотно, но согласился готовить блюда по моим указаниям. Теперь на стол принцу подавали овощные бульоны, лёгкие каши и фруктовые пюре. Я внимательно следила за тем, чтобы пища была тёплой, не слишком острой и не вызывала отторжения.

После того как базовые меры были приняты, я взялась за травяные настои. В библиотеке замка нашла несколько старых книг с описанием местных растений. Пыль покрывала корешки, а страницы пожелтели от времени, но я с жадностью принялась изучать каждую книгу. Некоторые названия были мне незнакомы, но я надеялась, что смогу подобрать нужные травы. Я выписывала рецепты, сопоставляла симптомы принца с описаниями болезней и размышляла, какие настои могут принести ему облегчение.

Вместе с одной из служанок, юной девушкой по имени Элара, мы обошли окрестности замка, собирая то, что могло пригодиться. Элара оказалась весьма сведущей в местных растениях, и её помощь была неоценима. Мы бродили по лесу, внимательно осматривая каждый куст, каждую травинку. В саду я обнаружила кусты с мелкими фиолетовыми цветами — их запах напомнил мне лаванду. Я сорвала несколько веточек, вдыхая тонкий аромат, и подумала, что лаванда может помочь успокоить дух принца, облегчить его страдания.

Ещё я нашла горьковатые листья, похожие на ромашку, и несколько видов мха. Элара рассказала мне о целебных свойствах этих растений, и я внимательно слушала, запоминая каждое слово. Собрав травы, мы вернулись в замок, и я принялась за приготовление настоев и отваров.

Каждый день я проводила у постели принца долгие часы. Ощупывала его пульс — слабый, едва уловимый, — слушала дыхание, пыталась уловить малейшие изменения в состоянии. Тёмная энергия всё ещё окутывала его плотным коконом, словно зловещий туман. Но я чувствовала — где-то глубоко внутри теплится жизнь. Порой мне казалось, что я слышу слабый отклик его души, будто далёкий шёпот в бурю.

Вечера были особенно тяжёлыми. Когда солнце скрывалось за горизонтом, замок погружался в полумрак, и тени словно оживали. Я сидела у постели принца, глядя на его бледное лицо, и думала о том, сколько испытаний выпало на его долю. Что за тёмная сила одолела его? Может, это проклятие, наложенное врагами, или древнее зло, таящееся в недрах замка?

Иногда мне чудилось, что я вижу отблески чего-то зловещего в его зрачках, будто тёмные искры, вспыхивающие в глубине души. Но в те редкие мгновения, когда его лицо чуть светлело,

я ловила себя на мысли, что принц Каэль был невероятно красив. Его черты, хоть и искажённые болезнью, хранили следы былого величия и благородства.

Я продолжала свои ежедневные ритуалы: давала принцу настои, протирала его лицо влажной тканью, шептала слова утешения, хотя и знала, что он едва ли слышит меня. Иногда мне казалось, что он чуть вздрагивает, словно улавливая звук моего голоса, и это давало мне надежду.

Служанки начали относиться ко мне с уважением. Элара часто помогала мне готовить настои, и мы подолгу беседовали о целебных травах и их свойствах. Другие служители замка тоже стали замечать мои старания и даже выражать поддержку. Порой я слышала шёпот за своей спиной, но старалась не обращать на это внимания. Моя цель была ясна — спасти принца.

Однажды, когда я сидела у его постели, ощупывая пульс, мне показалось, что он стал чуть более ровным. Я замерла, прислушиваясь к дыханию принца, и вдруг почувствовала слабый румянец на его щеках. Может, это игра теней, а может, первые признаки выздоровления? Сердце забило быстрее, и я прошептала: «Ты справишься, принц Каэль. Ты обязательно поправишься».

Тёмная энергия всё ещё витала в воздухе, но я чувствовала: победа близка. Где-то глубоко внутри принца теплится жизнь, и я сделаю всё возможное, чтобы помочь ему вырваться из лап болезни. Дни в замке по-прежнему тянулись медленно, но теперь в них появилась надежда — яркая искра в кромешной тьме.

Однажды, возвращаясь из сада, где я проводила несколько часов, собирая редкие травы и размышляя о их целебных свойствах, я заметила в коридоре бледную девушку с опухшими глазами. Она держалась за бок и едва могла идти, словно каждый шаг причинял ей невыносимую боль. Её одежда была простой, из грубых тканей, какие обычно носили слуги в замке, а волосы небрежно спрятаны под платок. В её взгляде читались усталость и отчаяние — казалось, девушка уже давно не надеялась на чью-либо помощь.

Я остановилась и подошла к ней:
— Что с вами? — спросила я мягко, стараясь не напугать её резким тоном.

Девушка вздрогнула, будто не ожидала, что кто-то обратит на неё внимание. Она посмотрела на меня с недоверием и страхом, но в её глазах мелькнула и искра надежды.
— У меня... болит, — прошептала она, указывая на бок. — Уже несколько дней.

Я внимательно осмотрела её: бледность кожи, опухшие глаза, лихорадочный блеск в глазах и лёгкая испарина на лбу — всё указывало на то, что девушка серьёзно больна. Я осторожно прикоснулась к её лбу — он был горячим. Осмотрев её бок, я обнаружила признаки воспаления. Вероятно, девушка подхватила простуду или что-то похожее.

— Вам нужно лечиться, — сказала я твёрдо, но бережно. — Я приготовлю отвар из собранных трав. Его нужно пить трижды в день.

Девушка кивнула, будто силы едва позволяли ей это сделать. В её глазах светилась благодарность, но вместе с тем и какая-то обречённость — видимо, она уже привыкла к тому, что её проблемы никого не интересуют.

Вернувшись в свои покои, я тщательно выбрала травы: ромашку для снятия воспаления, мяту для облегчения состояния и немного шиповника для укрепления сил. Отвар получился горьким, но полезным. Я отнесла его девушке и подробно объяснила, как принимать лекарство.

Дни шли, и я время от времени проверяла её состояние. Девушка послушно пила отвар, и уже через пару дней я заметила значительные улучшения: её щёки слегка порозовели, глаза перестали быть опухшими, а походка стала увереннее. Когда мы встретились в коридоре в очередной раз, она улыбнулась мне — впервые за всё время нашего знакомства.

— Спасибо вам, госпожа, — сказала она тихо, но искренне. — Мне уже гораздо лучше.

Я улыбнулась в ответ, чувствуя удовлетворение от того, что смогла помочь. Но в то же время я понимала, что в этом огромном замке ещё много людей, нуждающихся в помощи.

Ещё один случай произошёл с пожилым поваром, который жаловался на боли в суставах. Он был одним из самых уважаемых слуг в замке — его блюда всегда вызывали восхищение у господ. Но возраст давал о себе знать, и повар всё чаще жаловался на своё здоровье.

Однажды, встретив его в кухне, я спросила о его самочувствии. Он вздохнул тяжело и сказал: **
** — Суставы болят, госпожа. Словно иглы в них вонзают. А ведь работа у меня тяжёлая — надо успеть приготовить столько блюд!

Я задумалась на мгновение, потом вспомнила особый настой, который нашла в одной из книг в библиотеке. Это было старинное средство, которое должно было облегчить боль и улучшить подвижность суставов.

— Я могу приготовить для вас настой, — предложила я. — Но вам придётся следовать моим указаниям неукоснительно.

Повар посмотрел на меня скептически, в его глазах читалось недоверие. Видно было, что он привык к своим болям и не надеялся на исцеление. Но всё же он согласился попробовать.

Я приготовила настой и принесла ему. Объяснила, как принимать лекарство, и попросила сообщать о любых изменениях в самочувствии. Поначалу повар относился к моим словам с недоверием, но постепенно боль начала утихать. Он всё чаще улыбался и даже шутил на кухне, что было непривычно для него в последнее время.

Когда я спросила его, как он себя чувствует, повар ответил с благодарностью в голосе: **
** — Госпожа, вы просто чудо! Боль стала гораздо меньше, и я снова могу работать без мучений.

Эти эпизоды помогли мне завоевать доверие среди слуг. Они начали обращаться ко мне за помощью, и я старалась никому не отказывать. Иногда я чувствовала себя настоящим доктором, который может облегчить страдания людей. Но в этих маленьких делах я видела не только возможность помочь, но и шанс лучше узнать замок и его обитателей.

Я бродила по коридорам, заглядывала в разные уголки замка, разговаривала со слугами и слушала их истории. Каждый из них был частью этого огромного механизма, который поддерживал жизнь в замке. Их заботы и проблемы казались незначительными на первый взгляд, но для меня они были важны. Я понимала, что без этих людей замок бы просто не смог существовать.

Слуги рассказывали мне о своих буднях: о тяжёлом труде, скромных радостях и редких минутах отдыха. Я узнавала об их надеждах и мечтах, о том, как они видят мир за пределами замка. Эти разговоры помогали мне лучше понять жизнь в замке и увидеть её с другой стороны.

Иногда я замечала, как взгляды некоторых слуг становятся настороженными, когда я приближаюсь. Они всё ещё не до конца доверяли мне, ведь в замке было немало людей, которые смотрели на слуг свысока. Но постепенно лёд недоверия таял, и я чувствовала, что завоёвываю их сердца.

С каждым днём я всё больше осознавала, насколько важна роль слуг в жизни замка. Их труд был незаметен для многих, но без него всё бы рухнуло. И я хотела сделать всё возможное, чтобы облегчить их жизнь хоть немного.

Так я стала не просто наблюдателем, но и частью этого мира, где каждый день был наполнен новыми открытиями и встречами. Я училась у слуг и учила их, помогала и получала помощь в ответ. И в этом обмене опытом и заботой я находила истинное удовлетворение.

Глава 6

На пятый день моего неустанного бдения у постели принца Каэля я заметила едва уловимые, но несомненные изменения в его состоянии. Утренний свет, пробивающийся сквозь тяжёлые бархатные шторы, озарил его лицо, и я вдруг увидела, что кожа принца уже не кажется восковой — в ней проступила слабая, но всё же заметная розоватость. Я склонилась ниже, прислушиваясь к дыханию, и с трепетом отметила: оно стало чуть ровнее, спокойнее, словно первые порывы весеннего ветра, обещающие пробуждение природы после долгой зимы.

Сердце у меня в груди затрепетало, как пойманная птица. Неужели мои усилия не были напрасны? Неужели принц идёт на поправку? Я продолжала наблюдать, затаив дыхание. И вот — чудо! — его веки слегка дрогнули, а затем принц приоткрыл глаза. Взгляд был туманным, будто он ещё не мог сфокусировать зрение, но сам факт, что он открыл глаза, казался мне величайшим достижением. Я замерла, боясь нарушить этот хрупкий момент, боясь спугнуть первые робкие признаки жизни.

Его глаза, словно затянутые пеленой тумана, медленно скользили по комнате, не останавливаясь ни на чём конкретном. Я затаила дыхание, боясь даже шелохнуться. В эти мгновения я чувствовала себя так, будто держу в руках хрупкий цветок, который может рассыпаться от малейшего дуновения ветра. Но в то же время во мне разгоралась надежда — робкая, но неумолимая, как рассвет, который неизбежно приходит после самой тёмной ночи.

Однако радость моя была недолгой. Когда я поделилась своими наблюдениями с придворными, они встретили мои слова с холодным скептицизмом. Леди Эвридика, эта гиена в шелках, чуяла слабинку мгновенно и при каждом удобном случае высказывала сомнения в моих способностях.

— Ваши методы — это просто трата времени, — говорила она, глядя на меня свысока. Её голос звучал холодно, словно лёд, а в глазах читалось презрение. — Принц не реагирует на ваше «лечение». Вы лишь тешите себя иллюзиями, в то время как его состояние остаётся критическим.

Другие придворные неодобрительно кивали, поддерживая её слова. Их взгляды, брошенные в мою сторону, были полны недоверия и даже насмешки. Слухи о моих «странных» методах лечения уже расплозились по замку, и многие считали меня не целительницей, а шарлатанкой.

«Может, они правы? — иногда думала я. — Может, мои методы действительно бесполезны?»

Но тут же отгоняла эти мысли. Я видела прогресс. Я чувствовала его кожей, как та тёмная энергия, что опутала его, с каждым часом слабела, отступая под моим напором. Эта борьба выматывала душу. Порой мне казалось, что я тащу на себе неподъемную каменную глыбу, которая вот-вот раздавит нас обоих.

Дни тянулись медленно, словно густой мёд, стекающий с ложки. Я проводила у постели принца долгие часы, чередуя травяные настои. Иногда мне казалось, что тёмная энергия ослабевает, но в следующий миг она вновь набирала силу, будто насмехаясь над моими усилиями.

Я изучала каждый оттенок его кожи, прислушивалась к каждому вздоху, пыталась уловить малейшие изменения — не появилось ли чего-то нового, что могло бы подсказать мне верный путь лечения. Порой я засыпала в кресле у его постели, а просыпалась от малейшего шороха. Мои сны были полны тревожных видений: то принц тонул в тёмной бездне, то я сама теряла силы, не в силах противостоять зловещей энергии.

А потом наступила та ночь. Ночь, когда всё чуть не рухнуло.

Луна, бледная и холодная, заглянула в окно, и принц вздрогнул, словно от удара. Его тело выгнулось на постели, из горла вырвался хриплый, нечеловеческий стон. Тьма внутри него

взбунтовалась, яростная и отчаянная. Я бросилась к нему, пытаюсь руками, голосом, силой воли удержать его здесь, но она отшвыривала меня, жгучим холодом пронизывая пальцы.

— Держись! — кричала я ему, не зная, слышит ли он. — Держись!

Мои слова терялись в сумраке комнаты, но я продолжала кричать, вкладывая в эти крики всю свою силу, всю свою надежду. Я чувствовала, как пот стекает по моему лицу, как дрожат руки, но не отступала.

Дверь с грохотом распахнулась, и ворвалась Эвридика, как ведьма на шабаш. За ней толпились перепуганные слуги. Их лица были бледны, в глазах читался страх и недоумение. Они смотрели на меня так, словно я была источником всех бед, обрушившихся на замок.

— Смотрите! — её палец, обвиняющий и острый, был направлен прямо в моё сердце. — Она добивает его! Её колдовство сводит его с ума!

В её глазах плясали торжествующие черти. Я чувствовала, как почва уходит из-под ног. Отчаяние сдавило горло, словно железный обруч. Я огляделась — лица были полны осуждения, в их взглядах читалось желание поскорее избавиться от меня, объявить меня ведьмой и изгнать из замка.

Но в этот миг принц внезапно открыл глаза. Его взгляд был ясным, будто тьма ненадолго отступила. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Кто... ты? — прошептал он едва слышно. Его голос был слаб, но в нём уже звучали нотки жизни, нотки надежды.

В комнате повисла гробовая тишина. Леди Эвридика побледнела, словно смерть заглянула ей в глаза. Её лицо исказила гримаса ярости и бессилия. Она не могла поверить, что её планы могут рухнуть из-за какого-то слабого проблеска жизни в глазах принца.

Я склонилась к принцу, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Я... я пытаюсь вам помочь, — прошептала я, едва сдерживая слёзы радости. — Я здесь, чтобы спасти вас.

Принц снова закрыл глаза, и его дыхание стало ровным. Но в тот миг, когда он произнёс эти слова, я поняла: переломный момент настал. Тьма ещё сильна, но свет начинает пробиваться сквозь тьму.

Однако леди Эвридика не собиралась сдаваться. Её взгляд, полный такой лютой, бездонной ненависти, что кровь стыла в жилах, впился в меня.

— Это ничего не доказывает, — прошипела она так, что слышала только я. — Он обречён. И ты вместе с ним.

Она развернулась и вышла, оставив меня в кольце враждебных взглядов. Я стояла, глядя на спящего принца, чувствуя, как по спине ползёт ледяной холод. Да, он пришёл в себя. Но теперь я поняла настоящую цену этого пробуждения.

Война только началась. И следующая атака будет направлена не на него, а на меня.

Я оглядела комнату — придворные перешёптывались, бросая на меня косые взгляды. Слуги отводили глаза, словно боясь встретиться со мной взглядом. Только Элара, юная служанка, которая помогала мне собирать травы, смотрела с сочувствием и поддержкой. Её взгляд говорил: «Мы справимся. Я с тобой».

Я подошла к окну и посмотрела на ночной пейзаж. Луна освещала сад, превращая его в сказочное царство теней и света. Где-то вдалеке слышался шёпот ветра, словно он рассказывал мне тайны этого замка. Я закрыла глаза и прислушалась к своим чувствам. Внутри меня бушевала буря — страх, надежда, решимость. Но я знала одно: я не отступлю. Я должна спасти принца, несмотря ни на что.

Вернувшись к постели принца, я взяла его руку в свои. Она была холодной, но уже не такой безжизненной, как раньше. Я прошептала ему слова утешения, пообещав, что буду рядом, пока он не поправится полностью.

В ту ночь я не сомкнула глаз. Я сидела у его постели, наблюдая за каждым его вздохом, каждым движением. В моей голове роились мысли — о том, как противостоять леди Эвридике, как укрепить силы принца, как найти способ окончательно победить тёмную энергию.

С первыми лучами рассвета я почувствовала, как усталость накатывает волнами. Но вместе с тем во мне росла уверенность — я на правильном пути. Принц идёт на поправку, и я сделаю всё возможное, чтобы помочь ему полностью исцелиться.

Но я также знала: это только начало. Настоящая битва ещё впереди.

Глава 7

Той ночью сон не пришёл ко мне. Вместо него накатила волна чужих воспоминаний, вырвавшихся из глубин сознания Каэля. Я металась на тонкой грани между явью и забытьём, а его прошлое прожигало мою душу, словно раскалённое клеймо. Каждое видение врезалось в сознание с болезненной ясностью, не оставляя места для сомнений: это были не сны — это была правда, спрятанная за завесой лет.

Вот он, мальчишка с золотыми глазами, бежит по цветущему лугу, залитому полуденным солнцем. Его смех звенит чище колокольчиков, а ветер играет с непослушными прядями волос. За ним гонится женщина с добрым лицом — королева? Её руки протянуты к нему в любящем порыве, в глазах — безграничная нежность. На мгновение я почувствовала тепло её любви, словно оно коснулось моей кожи.

Картина сменилась резко, будто кто-то перелистнул страницу книги. Теперь он — юноша на тренировочном плацу, сжимает меч с безупречной выправкой. Движения точны, осанка идеальна, но в его глазах — не гордость за успехи, а тяжесть долга, которую он несёт с детства. И тень. Всегда эта тень высокого, строгого мужчины в тёмных одеждах, чьё лицо я не могла разглядеть. От него исходил такой холод, что даже в воспоминании я почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. Его голос, глухой и властный, звучал в моей голове: «Ты должен. Ты обязан. Ты — наследник».

А потом... тьма. Что-то скрытое, глубоко запрятанное, словно рана, которую боятся трогать. Очертания кого-то, кого он бессознательно отталкивал, боясь признать. Шепот, полный яда и обещаний, проникал в сознание, обволакивая разум липким страхом. И пронзительный, ледяной укол в сердце, от которого душа Каэля сжалась в комок ужаса. Я ощутила эту боль так ясно, будто она пронзила и моё тело.

Я проснулась с криком, зажатым в подушке. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, готово было вырваться из груди. Одежда прилипла к спине от холодного пота. Дыхание вырывалось прерывистыми всхлипами. Это было не просто болезнь. Это было нападение — целенаправленное, жестокое, продуманное. Кто-то намеренно разрушал его изнутри.

На следующее утро, едва дождавшись рассвета, я отправилась на поиски Халозэрта. Он укрывался в самой дальней башне замка — месте, куда редко ступала нога придворных. Узкая винтовая лестница вела вверх, в полумрак, где пахло пылью, временем и тайной. Его келья была завалена свитками, засушенными травами, старинными фолиантами. Всё здесь дышало мудростью веков и тяжёлым грузом знаний, которые не каждому дано постичь.

Халозэрт сидел за массивным столом, склонившись над раскрытой книгой. Его пальцы с синеватыми прожилками медленно провели по ветхой странице, словно пытаясь прочесть не только буквы, но и скрытые между ними смыслы. Он поднял на меня усталый взгляд, в котором читалась безмерная усталость и понимание того, что я пришла не с пустыми вопросами.

— Он не болен, — выпалила я, не тратя времени на предисловия. — На него наложили проклятие. Я видела его воспоминания. Я чувствовала тот укол! Это не просто тьма — это целенаправленное разрушение.

Старик медленно закрыл книгу, и звук захлопнувшихся страниц прозвучал как приговор. Он долго молчал, словно взвешивая каждое слово, прежде чем ответить.

— Ты описываешь «Сердечную Скверну», дитя, — наконец произнёс он тихим, но твёрдым голосом. — Древнее проклятие, что плетёт гнездо в душе жертвы, питаясь её светом. Оно не просто убивает. Оно обращает саму жизнь против носителя, заставляя его силы работать на разрушение.

— Как его снять? — в моём голосе прозвучала отчаянная мольба. — Должен же быть способ!

Халоэрт тяжело вздохнул, и в этом вздохе была тяжесть тысячелетий, бремя знаний, которые никто не просил нести. Он поднялся, подошёл к полке и достал потрёпанный свиток, покрытый странными символами.

— Есть способ, — признал он. — Но цена ужасна. Проклятие, рождённое из злобы, можно искупить только жертвой. Живой, осознанной жертвой. Тот, кто возьмётся его снять, должен предложить часть своей жизненной силы, чтобы выжечь тьму изнутри. Это как... перелить своё пламя в его угасающий очаг.

Он замолчал, глядя мне прямо в глаза, и я поняла, что самое страшное ещё впереди.

— Часто... слишком часто, целитель сгорает первым, — добавил он почти шёпотом.

Ледяная рука сжала моё сердце. Вот оно. Ответ. Жертва.

В этот момент я осознала: путь, который мне предстоит, не имеет обратного хода. Я могла отвернуться, уйти, сохранить свою жизнь. Но тогда Каэль погибнет. А если я решусь... смогу ли я выдержать цену, которую потребует проклятие?

Я закрыла глаза, вспоминая его — мальчика, смеющегося на лугу, юношу, несущего бремя долга, мужчину, чья душа сейчас терзается во тьме. И поняла: выбора нет. Я должна попытаться. Даже если цена окажется непомерной.

Решение созрело во мне внезапно и бесповоротно, словно захлопнулась последняя дверь, ведущая к здравому смыслу. Я не скажу никому. Ни королю, в чьих глазах я видела лишь расчётливую оценку «ресурса», а не человека. Ни Эвридике, чья сладкая, как яд, улыбка скрывала лишь одно желание — видеть меня поверженной. Они бы остановили меня. Они бы приковали меня цепями благоразумия и долга, и я бы смотрела, как Каэль угасает, не смея протянуть руку.

Библиотека стала моим сообщником. Пыльный, забытый всеми угол, где воздух был густым от запаха ветхой пергаментной кожи и тихого отчаяния прежних искателей. Книга ждала меня — тяжёлая, с обложкой из чёрной, странно живой на ощупь кожи, которая будто прилипала к пальцам. «Песнь Пробуждённой Крови». Название вызывало дрожь. Ритуал был описан с пугающей, безразличной простотой, словно инструкция по забою скота: компоненты, слова, цена.

Той ночью я действовала как автомат. Отослала служанку под надуманным предлогом, щёлкнул тяжёлый засов на двери — звук, отделивший нас от всего мира. Мои руки дрожали, выкладывая серебряную чашу, отполированную до ослепительного зеркального блеска. Свечи из чистого воска пахли мёдом и невинностью, которую я вот-вот должна была осквернить. Кристалл-проводник холодно подмигивал в свете свечей. И последнее — кинжал. Обоюдоострый, с рукоятью из чёрного дерева. Он лежал на столе мёртвым, холодным грузом, обещая боль.

Я взяла его в руки. Металл был ледяным, как сама смерть. Сердце колотилось в висках бешеной, аритмичной дробью — в такт его прерывистому, хриплому дыханию.

— Глупая, самонадеянная девочка, — прошептала я, и голос мой сорвался. Но это была последняя дань здравому смыслу. Его не было. Осталась только я, он и тишина, которую предстояло разорвать.

Я начала читать.

Древние слова обжигали язык, будто раскалённые угли. Они были тяжёлыми, нечеловеческими — каждый слог требовал невероятного усилия, вытягивая из меня что-то помимо голоса. Воздух в комнате загудел, заколебался, заряжаясь невидимой силой. Пламя свечей вспыхнуло ослепительно белым, а затем дрогнуло и перелилось в зловещее, ядовито-зелёное сияние, отбрасывая на стены пульсирующие, инопланетные тени.

— Силой воли моей и кровью моей! — мой голос окреп, наполнился силой, которую я украла у самого страха. Он гремел в гудящей комнате. — Я взываю к нити, что связывает жизни! Я предлагаю свой свет в обмен на его тьму!

Я прижала острей к ладони. Холод стал огнём. Резкая, очищающая боль. Алая, почти бархатная капля сорвалась с кожи и упала в чашу. Шипение было оглушительным — будто раскалённый металл коснулся льда.

И тут же из груди Каэля, прямо в области сердца, вырвался клубок чёрного, живого дыма. Он не был просто дымом — он был плотью из тьмы, клубком извивающихся, тонких щупалец, которые яростно цеплялись за его плоть, не желая отпускать.

И началась агония.

Мне показалось, что кто-то вогнал мне под рёбра крюк и теперь медленно, неумолимо вытягивает наружу душу, сердце, лёгкие — всё, что делало меня живой. Из моей груди, прямо из сердца, потянулась тонкая, сияющая золотая нить. Она пульсировала в такт моему угасающему пульсу, соединяя меня с ним, выкачивая из меня жизнь и вливая её в его иссохшее тело. Я чувствовала, как холодеют пальцы, как темнеет в глазах, как каждая клетка моего тела кричала в унисон от невыносимой боли.

— ДЕРЖИСЬ! — закричала я сама себе, уже не видя комнаты, видя лишь эту золотую нить и чёрную, отступающую тварь над его сердцем.

Я чувствовала, как колени подкашиваются. Мир плыл, расплывался в зеленоватой мути. Ещё немного... Чёрный клубок сжался до размеров яблока, свиваясь в злобный, плотный шар, испускающий волны ненависти.

И в этот миг в дверь с оглушительным грохотом ударили.

— АЛИНА! ОТКРОЙ! РАДИ ВСЕХ БОГОВ, ОТКРОЙ! — это был голос капитана стражи.

Дерево затрещало, не выдерживая напора. Засов изогнулся.

Но я уже не могла пошевелиться. Силы покидали меня с последней каплей, уходящей по той золотой нити. Темнота накатывала на сознание мягкой, бархатной волной, обещая забвение.

Последнее, что я увидела, прежде чем мир поглотила тьма, — это чёрный шар над сердцем Каэля, который, вместо того чтобы исчезнуть, резко развернулся... и устремился прямо ко мне.

Глава 8

Тьма выла внутри меня — ледяная пустота, высасывающая последние капли жизни. Я уже не чувствовала тела, лишь это чудовищное, неумолимое вытягивание самой моей сущности. Золотая нить, что связывала меня с Каэлем, стала багровой и истончилась, как паутинка, готовая порваться. Зелёный свет свечей плясал перед моими затуманенными глазами безумными пятнами. Ещё секунда — и я рухну в бездну, из которой нет возврата.

И вдруг сквозь гул в ушах и вой боли пробился голос. Не тот, что был в моей голове, а другой — чистый, низкий, полный живой силы, которую я уже почти забыла.

— Прекрати!

Это был не крик. Это был приказ — звенящий, как сталь, и в то же время... надтреснутый от ужаса.

Я не смогла бы остановиться, даже если бы захотела. Ритуал пожирал меня, и я была его рабой. Но в тот миг что-то щёлкнуло. Сияющая нить, связывавшая нас, дрогнула и лопнула с тихим, подобным хрусту хрустала, звуком. Эхо магии, отскочив, ударило меня в грудь, и я пошатнулась, окончательно теряя опору.

Мир опрокинулся. Но я не рухнула на холодный камень. Сильные руки подхватили меня, резко, почти грубо, прижав к чему-то твёрдому и... живому — к груди, в которой ясно и мощно билось сердце. Не то хриплое, прерывистое биение, что я слушала все эти дни, а ровный, уверенный ритм.

Я запрокинула голову, пытаюсь сфокусировать взгляд. Темнота затягивала меня, как густой туман, но сквозь него проступали черты: острые скулы, влажные от пота пряди тёмных волос, прилипшие ко лбу. И глаза... Боги, его глаза! Они смотрели на меня — не мутные и невидящие, а яркие, золотые, как расплавленное солнце, и полные такого шока, такой бездонной тревоги, что мне стало вдруг до смешного жаль, что я причинила ему эту боль.

Он смотрел на меня, а я смотрела на него — на живого Каэля.

И сквозь одеяло боли, сквозь накатывающую пустоту на мои губы пробилась улыбка — глупая, слабая, пьяная от усталости и потери крови. Но самая искренняя за всё это время.

— Ты... жив, — прошептала я, и голос мой был лишь хриплым выдохом. — Я... знала...

Я хотела сказать что-то ещё — объяснить, извиниться. Но тьма, которую я уже почти приняла как данность, снова нахлынула, на этот раз непобедимой волной. Её властная ладонь легла на мои глаза, унося прочь и его испуганное лицо, и тепло его рук, и звук его голоса, который прорывался сквозь нарастающий гул, крича моё имя — «Алина!» — так, будто от этого что-то зависело.

И я отпустила себя, проваливаясь в беззвучный, бездонный омут, унося с собой лишь одно ощущение — память о его сердцебиении у своей щеки.

Сознание вернулось ко мне медленно, неохотно, будто продираясь сквозь толстый слой ваты. Первым ощущением стала боль — тупая, раскалывающая голову на тысячи осколков. Казалось, кто-то вставил мне в виски раскалённые гвозди и теперь методично по ним стучал.

— О, святые светила! Вы проснулись! Вы живы!

Пронзительный, полный искренней радости голос вонзился в мозг, заставив меня вздрогнуть. Я с трудом разлепила веки. Надо мной склонилось знакомое лицо моей служанки, Элис. Её глаза сияли, а руки беспокойно теребили край моего одеяла.

— Элис... — мой голос был хриплым шёпотом, царапающим горло. — Тихо, прошу... Голова...

Она тут же прикусила язык, но счастливая улыбка не сошла с её лица. Она бережно поправила подушку, и я смогла наконец осмотреться. Я была в своей маленькой комнатке при

дворце. Солнечный свет, казавшийся мне сейчас удивительно ярким, заливал скромную обстановку. Всё было на своих местах: простой деревянный стул, комод, умывальник.

Но в памяти стоял хаос. Зелёный свет свечей. Лезвие кинжала, холодное у запястья. Невыносимая боль, вытягивающая душу. И... его лицо. Его голос: «Прекрати!»

Я слотнула комок в горле, ощущая, как по телу пробежала мелкая дрожь. Я жива. Как?

— Я сейчас, я на кухню! Принесу вам бульонца и чаю с травами! — Элис, не в силах усидеть на месте, пулей выскочила из комнаты.

Я слышала её быстрые шаги в коридоре, а следом — более тяжёлые, размеренные. Стражник. Меня охраняли. Или стерегли?

С трудом приподнявшись на локтях, я упёрлась лицом в ладони. Пальцы дрожали. Что я наделала? Ритуал... Я чуть не убила себя. Но он... Каэль... Он проснулся. Он спас меня. От меня же самой. Жар стыда разлился по щекам. Он видел меня в тот момент — обессиленную, обезумевшую от боли, готовую на глупость.

Внезапно скрипнула дверь.

Я резко опустила руки, сердце замерло в груди. В дверном проёме, залитый солнечным светом, словно сошедший с одного из дворцовых гобеленов, стоял он.

Принц Каэль.

И, боги, он был ещё прекраснее, чем в том туманном, болезненном воспоминании. Не бледная тень на подушках, а живой, дышащий мужчина. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны, но одна непокорная прядь всё же выбивалась на лоб. Он был одет в простой, но безупречно сидящий на нём дублет тёмно-синего цвета, оттенявший золото его глаз. Я почувствовала, как по телу разливается глупая, предательская краска, и мне стало до боли стыдно, что он видит меня вот так — бледную, растрёпанную, в ночной рубашке, беспомощно лежащую в постели.

Он вошёл, и дверь тихо закрылась за ним.

— Не вставайте, — его голос прозвучал мягко, но в нём была та самая властная нотка, которая не оставляла сомнений: это был приказ. Он подошёл и остановился у кровати, не садясь; его взгляд был пристальным, изучающим. — Как вы себя чувствуете?

Я могла только покачать головой, снова ощущая, как от этого движения мир плывёт перед глазами.

— Голова... трещит, — честно призналась я. — Но... вроде жива.

Уголок его губ дрогнул в чём-то отдалённо напоминающем улыбку, но в глазах не было веселья. Лишь глубокая, неумённая усталость и... что-то ещё. Благодарность? Нет, не только. Что-то тяжёлое, озабоченное.

— Вам повезло, что я очнулся, когда это произошло, — он сказал это тихо, отводя взгляд в сторону. — То, что вы сделали... это была не просто целительная магия. Это древний, запретный ритуал переброса жизни. Он почти что... — он запнулся, подбирая слова, — высосал вас целиком. Я почувствовал это... нарушение. Как будто кто-то рвёт мою собственную душу на части.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Он знал. Он понимал природу этой магии лучше меня.

— Алина, — он впервые назвал меня по имени, и от этого что-то ёкнуло внутри. — Откуда вы узнали? Откуда вы узнали, что это было именно проклятие? Никто здесь не смог его заметить.

Вопрос повис в воздухе. Я отвела взгляд, сжимая пальцами одеяло. Стоило ли говорить? Но он спас мне жизнь. Он имел право знать.

— Я... я видела, — прошептала я, глядя куда-то в сторону, на солнечный зайчик на стене. — Во снах. Вернее, в ваших воспоминаниях. Они прорывались ко мне, когда я была рядом.

Я рискнула поднять на него глаза. Он слушал, не двигаясь; его лицо было каменной маской.

— Я видела... мальчика. На лугу. Королеву, вашу мать, я думаю... — я говорила медленно, боясь спугнуть хрупкие образы. — Потом... юношу на тренировочном плацу. И... тень. Высокого мужчину в тёмном. От него исходил такой холод... А потом... будто что-то спрятанное. Что-то, чего вы сами боитесь. И этот укол... ледяной укол в сердце.

Я закончила и посмотрела на него, ища в его глазах понимание, может быть, даже облегчение от того, что он не один несёт этот груз.

Но произошло нечто обратное.

Каэль резко выпрямился, словно по нему ударили хлыстом. Всё тепло, вся та мягкость, что была в нём секунду назад, испарились, оставив после себя лишь ледяной, неприступный утёс. Его лицо стало бледным и резким, глаза сузились; в них вспыхнул не просто гнев, а нечто дикое, почти животное — паника и ярость, смешанные воедино.

Он отшатнулся от кровати так стремительно, что стул, на который он даже не сел, заскреб по полу.

— Вам не следовало этого видеть, — его голос прозвучал тихо, но в нём звенела сталь, острая и ранящая. — Никогда. Не копайтесь в том, что вам не принадлежит.

Он круто развернулся и направился к двери; его плащ взметнулся за ним сердитым взмахом.

— Выздоровливайте, — бросил он через плечо уже у порога. Это прозвучало как формальность, как отстранённая вежливость правителя, а не как пожелание человека, чью жизнь я только что пыталась спасти.

Дверь открылась и закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна во внезапно осиротевшей комнате, с раскалывающейся головой и гудящей пустотой внутри. Что только что произошло? Что я такого сказала? Что за тень из его прошлого заставила живого, благодарного человека превратиться в эту ледяную статую?

И самое ужасное — я поняла, что, прикоснувшись к его тайне, я, возможно, потеряла его доверие навсегда.

Глава 9

Я лежала, уставившись в потолок, и слушала, как в камине потрескивают поленья. В висках всё ещё пульсировала тупая боль, но она была ничтожна по сравнению с тяжестью на душе. Мысли кружились вокруг одного — вокруг его лица, искажённого холодным гневом, вокруг того, как резко он повернулся и ушёл.

И тут — тихий, почти нерешительный стук в дверь.

Сердце моё совершило нелепый, предательский прыжок. Глупая, безумная надежда, тёплая и слабая, как первый луч солнца после бури, шевельнулась внутри. А что, если это он? Может, он вернулся, чтобы объяснить, извиниться...

— Войдите, — выдавила я, и голос мой прозвучал хрипло.

Дверь открылась, и на пороге возникла не высокая, статная фигура принца, а сутулый силуэт Халозрта. Старый целитель неслышно ступил в комнату; его мудрые, всевидящие глаза сразу нашли меня.

— Можно? — тихо спросил он, и в его голосе не было ни капли церемонности, лишь тихая забота.

Я лишь кивнула, не в силах говорить. Разочарование, горькое и солёное, подкатило к горлу.

Его взгляд скользнул по прикроватному столику, заваленному тарелками с едой, которую в порыве заботы натащила Элис: душистый хлеб, тарелка с тушёными овощами, кувшин с молоком.

— Заботливая у вас служанка, — заметил он с лёгкой, понимающей улыбкой. — Но, полагаю, аппетита это не прибавляет.

— Я не голодна, — честно ответила я, отводя взгляд. «Я вообще ничего не хочу», — пронеслось у меня в голове. Ни есть, ни пить, ни двигаться. Словно та самая жизненная сила, которую я отдала Каэлю, забрала с собой не только энергию, но и все мои желания. Внутри была лишь пустота, выжженная пустыня.

Халозрт, не дожидаясь приглашения, подошёл и сел на краешек стула. Он молча достал из складок своего плаща несколько маленьких пузырьков и пакетиков с травами.

— Это для укрепления духа, — он поставил на стол первый пузырёк с золотистой жидкостью. — А это поможет телу вспомнить, что такое сон без кошмаров, — второй пузырёк, с лавандовым оттенком. — Принимай по капле утром и вечером. Ты сильно истощила свой источник, дитя. Слишком сильно.

В его словах не было упрёка. Лишь констатация факта и глубокая, бездонная грусть.

— То, что ты сделала... — он покачал седой головой, и в его глазах вспыхнуло что-то похожее на восхищение. — Это была не просто смелость. Это была отчаянная, самоубийственная храбрость. Идиотская, — добавил он строго. — Но невероятно благородная.

Мне захотелось рассказать ему всё: о том, как Каэль смотрел на меня, словно я — ядовитая змея; о тени, которая разлучила нас. Но слова застряли в горле комом стыда и боли.

— Халозрт... — начала я, цепляясь за более простой, но не менее важный вопрос. — Король... он меня отпустит? Когда Каэль поправится? Вы... вы нашли способ вернуть меня домой?

Старик тяжело вздохнул. Он отложил пузырьки и посмотрел на меня с таким безграничным сочувствием, что мне стало ещё хуже.

— Дитя моё, — произнёс он мягко, и в его голосе прозвучала неподдельная жалость. — Боюсь, ничего ещё не кончено. Напротив.

Моё сердце замерло.

— Твоя жертва, твой невероятный поступок... он лишь оттянул неизбежное. Ты на время нейтрализовала действие проклятия, ослабила его хватку. Но корень зла остался. И когда оно вернётся — а оно вернётся, — оно будет сильнее. Оно заберёт не только жизнь принца. Оно заберёт его рассудок. А может, и хуже... превратит его в орудие той самой тьмы, что его отравила.

Тишина в комнате стала звонкой, давящей. Я слышала, как с треском прогорает очередная головешка в камине.

— Нет... — это был даже не шёпот, а выдох отчаяния. Я отвела взгляд к заваленному едой столику, но видела лишь своё отражение в тёмном стекле окна — измождённое, бледное, с огромными глазами, полыми от ужаса. — Но я... я чуть не умерла. Я отдала ему часть себя! Этого... этого было недостаточно?

Голос мой сорвался на высокой, истеричной ноте. Слезы, которые я сдерживала всё это время, подступили к глазам, горячие и горькие. «Чего же тогда будет стоить настоящее спасение? Целой жизни? Моей души?» — пронеслось в голове.

Халоэрт ничего не ответил. Он просто встал, положил свою старческую, высохшую руку мне на голову в безмолвном благословении и так же тихо вышел.

И когда дверь закрылась, я наконец позволила себе рухнуть. Я перевернулась на бок, прижала скомканное одеяло к лицу и зарыдала. Тихо, безнадежно, ощущая, как слёзы жгут щёки, а в груди ноет рана куда более страшная, чем любая, оставленная кинжалом. Я спасла его, чтобы потерять. И теперь мне предстояло сделать это снова, заплатив ещё более ужасную цену.

Я не имела понятия, сколько дней пролежала в этом оцепенении. Часы и сутки сливались в одно серое, безразличное полотно. Но настой Халоэрта творил чудеса — он погружал меня в глубокий, бездонный колодец без сновидений, где не было ни боли, ни тревожных видений, ни его холодного взгляда.

А потом одним утром я просто проснулась — не от стука в дверь и не от собственного стога, а оттого, что солнечный луч упал мне прямо на лицо. И впервые за долгое время у меня возникла одна-единственная, ясная мысль: «Я не могу больше дышать этим воздухом. Мне нужно выбраться отсюда».

Эта комната стала моей изящной клеткой. Я медленно, как древняя старуха, поднялась с кровати. Ноги дрожали, подкашивались. Моё платье висело на мне мешком. Пальцы не слушались, когда я пыталась затянуть шнуровку на спине — не хватало ни сил, ни ловкости. В отчаянии я накинула на плечи мягкую шаль, забытую, видимо, Элис, безнадежно пытаюсь прикрыть ею свою немощь и неопрятность.

Я выскользнула в коридор. Тишина была звенящей, неестественной — ни шагов стражи, ни перешёптываний служанок. Как будто замок вымер. Сердце забилось тревожно, но я уже сделала первый шаг и не могла остановиться. Я помнила путь к чёрному ходу: узкая, крутая лестница для прислуги начиналась почти сразу за моей дверью. Я спускалась, цепляясь за холодную каменную стену, чувствуя, как дрожь в коленях становится всё сильнее. Лишь бы не встретить никого. Лишь бы остаться одной со своим позором и слабостью.

И вот он — сад. Я распахнула тяжёлую дверь, и в лицо мне ударила волна прохладного, влажного воздуха, пахнущего землёй, цветами и свободой. Я вдохнула полной грудью — так, что аж защемило в лёгких. И замерла, пытаюсь понять: какое здесь было время года? Воздух был прохладен, как осенью, но в нём витала сладкая, тягучая, наркотическая нега весны. На кустах росли невиданные мной цветы, чьи лепестки переливались перламутром, а с ветвей столетних деревьев свисали лианы с тяжёлыми, почти синими бутонами. Это было прекрасно и чуждо одновременно.

Я брела по узким дорожкам, почти не видя ничего вокруг, просто впитывая кожей сам факт того, что я на улице, что я жива. Силы покидали меня с каждым шагом, и я уже начала сомневаться, что смогу поползти обратно до своей комнаты.

Внезапно за моей спиной раздался голос: **
** — Смотрю, вам уже лучше?

Я вздрогнула и подпрыгнула, будто меня хлестнули плетью. Обернувшись, я увидела его. Каэль стоял в нескольких шагах; его фигура казалась ещё выше и величавее на фоне нереального сада. На нём не было парадных одежд — только простой дублет и штаны, что делало его более... человеческим.

— Ваше Высочество, — прошептала я, чувствуя, как горит лицо, — захотелось подышать свежим воздухом. Но, кажется, я не рассчитала силы.

Он медленно подошёл ближе, и его взгляд, тяжёлый и внимательный, скользнул по мне с ног до головы. Он заметил и моё неопрятное платье, и шаль, натянутую впопыхах, и мою дрожь. Но ничего не сказал — ни единого замечания.

— Я должен извиниться, — произнёс он тихо, глядя куда-то мимо моего плеча. — За то, как я вёл себя в тот день. Это было... недостойно. И неблагоприятно.

Я не нашлась что ответить, просто смотрела на него, затаив дыхание.

— Я говорил с отцом. И с Халозэртом. Я знаю... что вас вырвали из вашего мира. Насильно. — Он сделал паузу, и в его голосе прозвучало неподдельное, жгучее сочувствие. — И мне искренне жаль, что вы оказались втянуты в это.

Он посмотрел на меня прямо, и в его золотых глазах я увидела не принца, а человека, запертого в той же ловушке, что и я.

— Я понятия не имею, как вернуть вас обратно. Но я даю вам слово: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы найти способ. И я ничего не потребую взамен. Это мой долг.

От этих слов в груди что-то дрогнуло и потеплело. Ледышка, в которую превратилось моё сердце после его ухода, дала трещину.

— Но пока вы здесь, — он продолжил осторожно, словно нащупывая почву, — быть может, вы согласитесь стать моей Хранительницей?

Я широко раскрыла глаза. Это прозвучало так древне и торжественно.

— От вас потребуется не так уж много, — поспешил он добавить. — Говорить со мной. Направлять. Помогать мне идти по верному пути. В этих разговорах... я, возможно, смогу вспомнить что-то. Что-то, что поможет нам ещё немного отсрочить проклятие. Потому что у меня есть дела, которые я обязан завершить. Прежде чем... — он не договорил, не сказал «умереть». Но это висело в воздухе между нами — тяжёлое и неумолимое.

Он не стал ждать моего ответа, давая мне время обдумать. Вместо этого его взгляд снова упал на моё платье, и на его губах дрогнула тень улыбки.

— А это, — он кивнул в мою сторону, — я позабочусь о более удобном наряде. Вам не должно быть неловко.

И прежде чем я смогла что-либо вымолвить, он кивнул мне и пошёл прочь, оставив меня одну в этом странном, прекрасном саду — сбитую с толку, истощённую, но с крошечным, тёплым угольком надежды, тлевшим в глубине души.

Глава 10

Следующее утро началось не с тупой боли и апатии, а с тихого удивления. На грубом деревянном стуле у кровати лежало сложенное одеяние. Не платье, нет. То, что я увидела, заставило меня замереть на пороге, протирая глаза.

Это были штаны из мягкой, но прочной ткани тёмно-зелёного, почти лесного оттенка. По бёдрам и коленям шли вставки из тонкой эластичной кожи, создававшие причудливый узор, напоминающий крылья ястреба. К ним полагалась рубашка из такого же плотного материала — с длинными рукавами, сужающимися к запястьям, и высоким воротником, который можно было расстегнуть. Но самым неожиданным был широкий кожаный пояс с изящной, но простой пряжкой в виде стилизованного солнца. К нему даже был прикреплён небольшой практичный кошелёк и ножны для небольшого кинжала — пустые, что было некоторым облегчением.

Я смотрела на этот наряд, и по телу разливалось странное чувство. Это не была одежда придворной дамы. Это была одежда... человека действия. Путешественника. Воина. Она пахла свежей кожей и какой-то горьковатой травой. Прикосновение к ткани было грубым, но честным, и в этой честности была своя красота.

Натягивая его, я чувствовала себя одновременно нелепо и... по-новому свободно. Ткань не сковывала движений, пояс мягко облегал талию, давая опору. Я не знала, как должна выглядеть в этом, но знала, что могу в этом дышать. И бежать, если придётся.

Решив проверить новые границы своей свободы, я вышла в коридор, всё ещё ощущая слабость в ногах, но уже не такую всепоглощающую. И почти сразу же наткнулась на неё.

Леди Эвридика.

Она замерла, как изваяние. Её безупречное лицо выражало такую степень ошеломлённого презрения, что её хватило бы на десяток менее знатных дам. Её взгляд, холодный и острый, как шило, медленно прополз от моих новых сапог до непослушных прядей волос, выбившихся из простой косы.

— Боги всемогущие, — прошептала она, и в её голосе звенела неподдельная издёвка. — Чужестранка. Я уже думала, вы... исчезли. Или, по крайней мере, обладаете достаточным тактом, чтобы не позорить себя в таких... — она снова окинула мой наряд уничижительным взглядом, — ...в таких лохмотьях конюха.

Я ощутила, как по спине пробежали мурашки, но сжала кулаки, спрятанные в широких рукавах рубахи. Кожа на поясе скрипнула под моими пальцами, напоминая о своей прочности.

— Разве принц не исцелён? — продолжила она притворно-сладким тоном. — Ваша миссия, как я полагала, выполнена. Или я что-то упустила?

В её глазах плясали дьявольские искорки. Она знала. Конечно, знала. Она вынюхивала каждую крупицу информации, как голодная крыса.

Мне хотелось крикнуть ей в лицо правду: что он всё ещё обречён, что я чуть не умерла впустую, что эта битва только началась. Но я помнила его слова, помнила его извинения и видела перед собой не союзника, а змею.

Я встретила её взгляд, стараясь, чтобы моё лицо ничего не выражало.

— Я останусь здесь ровно настолько, насколько сочтёт нужным Его Высочество, принц Каэль, — сказала я тихо, но чётко. — И пока он просит меня остаться, я буду здесь. В том, в чём мне удобно.

Эвридика медленно выдохнула, её тонкие брови поползли вверх. В её глазах мелькнуло что-то новое — не просто ненависть, а холодный, расчётливый интерес. Я перестала быть для неё просто досадной помехой. Я стала соперницей.

— Как мило, — протянула она, и каждый слог был отточен, как лезвие. — Ну что ж... желаю вам не затеряться в этих... широких штанах. Закоулки замка бывают такими коварными.

И, грациозно взметнув подол своего роскошного платья, она поплыла дальше, оставив меня стоять в коридоре с бешено колотящимся сердцем и с новым, непривычным весом пояса на талии. Я была ещё слаба. Но впервые за долгое время я почувствовала, что у меня есть хотя бы призрак собственной воли. И что за эту волю придётся бороться.

Следующие несколько дней я провела, постигая новую, странную свободу, которую дарил мне мой практичный наряд. Я могла двигаться быстрее, дышать глубже, и хотя тень Эвридики и её колкие замечания преследовали меня, я чувствовала себя менее уязвимой. Как будто кожаные вставки на штанах были не просто украшением, а доспехом, защищавшим меня от ядовитых взглядов.

Именно в одном из таких коридоров — узком и полутёмном — он и появился. Словно возник из самой тени. Каэль. Он шёл навстречу, и его взгляд был настолько сосредоточенным, что у меня перехватило дыхание.

— Алина, — его голос прозвучал тихо, но властно, не оставляя места для возражений, — пройдите со мной.

Он не стал ждать ответа, развернулся и двинулся прочь. Я, покорная, как очарованная, последовала за ним. Мы шли по лабиринту переходов, пока он не остановился перед неприметной тёмной дверью из чёрного дерева. Он толкнул её, и я замерла на пороге.

Это была не официальная королевская библиотека. Это было его святилище. Воздух здесь пах старыми книгами, кожей переплётов и тёплым воском свечей. Высокие полки из тёмного дерева вздымались до самого сводчатого потолка, а между ними стояли глубокие кожаные кресла и низкие столы, заваленные свитками и картами. Здесь было безопасно. Это чувствовалось каждой клеточкой.

— Садитесь, — он указал на кресло у камина, где уже потрескивали поленья.

Я опустилась на мягкую кожу, сжимая в руках складки своих новых штанов в поисках опоры.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я первая, ловя его взгляд. Он стоял у камина, опираясь локтем о каменную полку, и свет огня играл в его золотых глазах.

— Всё нормально, — ответил он слишком быстро, отводя взгляд к пламени. — Силы возвращаются.

— Вы лжёте, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Я не видела больше его воспоминаний, но я чувствовала это: лёгкое напряжение в его плечах, тень под глазами, которую не скрыть.

Он резко повернул голову, и я приготовилась к вспышке гнева. Но её не последовало. Вместо этого он тяжело вздохнул, и его плечи слегка опустились, словно под тяжестью невидимого груза.

— Вы спрашивали о роли Хранительницы, — тихо начал он. — Чтобы понять это, вам нужно знать, от чего вы меня храните.

Он помолчал, глядя на огонь, будто собираясь с мыслями.

— То, что вы видели... мальчик на лугу... это было реально. Моя мать. Она была... светом. Но свет привлекает тьму. — Его голос стал жёстким. — Её погубило предательство. Предательство того, кому она доверяла больше всего. Моего старшего брата, Маэлгора.

Я застыла, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть хрупкое доверие, которое он мне оказывал.

— Он был одержим силой. Древней, запретной силой, что противостоит наследию нашей крови. Мы — из рода Драконов, Алина. Не метафорически. В наших жилах течёт кровь древних стражей этого мира. Но за силу нужно платить. Маэлгор... он заключил сделку с тем, что

стоит за Проклятием Безмолвия, что лежит на мне. Он принёс нашу мать в жертву, чтобы заполучить эту силу. А теперь... теперь он хочет завершить начатое. Убрать последнего законного наследника.

Он посмотрел на меня, и в его глазах бушевала буря из боли, гнева и одиночества, которое длилось годами.

— Это проклятие... оно не просто убивает. Оно пожирает душу. Превращает в пустую оболочку, которую он сможет использовать как марионетку. То, что вы сделали... вы не просто исцелили тело. Вы вернули мне меня. На время. Но с каждым разом, когда оно возвращается, бороться становится всё сложнее.

Я слушала, и кусочки пазла начинали складываться в ужасающую картину. Тень из его снов. Высокий мужчина. Его брат. Леди Эвридика с её странной, ревнивой преданностью... Была ли она частью этого?

Я не сказала ничего. Я просто смотрела на него, и в груди что-то сжималось — не от страха, а от жгучего сочувствия и понимания. Он был принцем, но в этот момент он был просто человеком, сражавшимся с чудовищем, которое принёс в его жизнь самый близкий человек.

Он видел, что я не отвожу взгляд. Видел, что я не испугалась и не осудила. И в суровых чертах его лица появилась трещина — щель в ледяной стене, за которой скрывалось невыносимое бремя.

— Вот от чего мне нужна Хранительница, — прошептал он. — Не чтобы напоминать о долге. А чтобы напоминать... что я ещё жив. Что есть ради чего бороться.

В библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня. Но это была не неловкая тишина. Это было молчаливое понимание. Доверие, хрупкое, как первый лёд, но уже пустившее корни. И я поняла, что стою на пороге чего-то гораздо большего, чем просто роль целительницы. Я стояла на пороге его сломанного мира, и он впускал меня внутрь.

Одна мысль не давала мне покоя — практичная и настойчивая, пробивающаяся сквозь туман сочувствия.

— Я так понимаю, у вас есть какой-то план? — тихо спросила я, разбивая молчание. — Или мы просто будем ждать, пока проклятие снова нанесёт удар?

Каэль медленно перевёл взгляд с огня на меня. В его глазах не было обиды на мой прямой вопрос — скорее тень усталой решимости.

— План? — Он усмехнулся, но в звуке не было веселья. — Скорее... отчаянная попытка найти соломинку, за которую можно ухватиться. — Он обвёл рукой полки, уходящие ввысь, в сумрак. — Эти книги... Они хранят не только историю моего рода. Они хранят тайны этого мира, его магии, его законов. И доступ к ним... — его взгляд стал твёрже, — имеют только члены королевской семьи. Никто другой. Ни советники, ни даже верховные маги.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Он предлагал мне не просто помощь — он предлагал мне ключ. Ключ от самого сердца своих секретов.

— Мы не можем доверять никому при дворе, — продолжал он, и его голос стал тише, почти заговорщицким. — Предательство моего брата доказало это. Но вам... вам нечего терять в наших играх престолов. И у вас есть дар, который может увидеть то, что скрыто.

Он сделал шаг ко мне, его золотые глаза горели в полумраке.

— Оставайтесь. Изучайте их вместе со мной. Мы будем искать ответы параллельно. Вы будете выписывать всё, что найдёте о проклятиях, о драконах, о природе этой тьмы. А я... — он немного замолчал, и в его взгляде промелькнуло что-то новое, почти стеснительное, — я буду искать всё, что смогу, о путях между мирами. О том, как однажды... вы сможете вернуться домой.

В его словах не было ни капли высокомерия или расчёта. Было лишь суровое, выстраданное признание: мы нужны друг другу. Он — в моём даре и моей чужеродности, которая делала

меня безопасной. Я — в его знании и доступе к силе, которая одна могла дать мне надежду на возвращение.

Он подошёл к одному из столов и взял две толстые, ещё пустые книги с кожаными переплётами. Одну — тёмно-синюю, цвета ночного неба. Другую — цвета старого золота, напоминающую его глаза.

— Вот, — он протянул их мне. Синюю он оставил себе, золотую отдал мне. — В этой, — он указал на свою, — я буду собирать ключи к вашему возвращению. А в этой, — его пальцы коснулись золотого переплёта в моих руках, — вы будете собирать ключи к моему спасению. Мы будем... хранителями друг для друга.

Я взяла книгу. Кожа переплёта была тёплой и живой под моими пальцами. Это был не просто дневник. Это был договор. Молчаливый обет, скреплённый не печатью, а взаимной нуждой и зарождающимся доверием.

Я посмотрела на него — на этого принца, предлагавшего мне партнёрство в тени собственной гибели, — и впервые за долгое время углы моих губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

— Хорошо, — прошептала я, прижимая книгу к груди. — Начнём с самого начала.

Глава 11

Дни слились в одно сладкое, странное марево. Каждое утро я пробиралась в его библиотеку, и он уже ждал меня — неизменно в одном и том же кресле у высокого окна, с раскрытой книгой на коленях. Мы погружались в молчаливое, сосредоточенное изучение, прерываемое лишь шелестом страниц, скрипом перьев и тихими вопросами. Воздух был насыщен запахом старой бумаги, воска и чего-то нового, едва уловимого — растущего понимания, которое словно невидимая нить связывало нас всё крепче.

Однажды я засиделась допоздна над сложным трактатом о природе магических ядов. Глаза слипались, буквы расплывались, превращаясь в причудливые узоры. Я не заметила, как голова моя медленно опустилась на раскрытые страницы, а сознание уплыло в тёплую дремоту. Проснувшись от лёгкого, почти невесомого прикосновения к плечу. Каэль стоял рядом, его тень накрывала меня, словно защитный покров.

— Вы здесь замёрзнете, — прозвучал его тихий, нежный голос, в котором слышалась неподдельная забота. На моих плечах уже лежал его собственный плащ — тяжёлый и тёплый, сохранивший запах дыма и кожи, будто частицу его самого. — И испортите чернилами щёку.

Я резко выпрямилась, смущённо вытирая лицо, опасаясь, что действительно оставила кляксу на драгоценном пергаменте. Он не засмеялся, лишь в уголках его глаз собрались лучики смешинки, придавая строгому лицу неожиданное тепло.

— Уже поздно, — сказал он, мягко закрывая мою книгу. — Давайте на сегодня закончим.

И в его голосе не было раздражения — лишь забота, от которой моё сердце забилося чуть быстрее, а в груди разлилось непривычное, но приятное тепло.

В другой раз мы сидели прямо на полу, окружённые грудой карт и свитков, словно дети, играющие в исследователей неведомых земель. Он расспрашивал меня о моём мире, и я, увлечшись, пыталась объяснить ему, что такое «автомобиль». Я рисовала его прямо на полях древнего манускрипта — к ужасу любого учёного мужа, — выводя неуклюжие контуры и стрелки, поясняющие устройство.

— И он... едет сам? Без лошадей? — Каэль склонился ближе, всматриваясь в мой корявый рисунок с таким искренним изумлением, что я не могла сдержать улыбку. Его волосы коснулись моего плеча, и я невольно задержала дыхание.

— Сам. Если его «накормить» особой жидкостью. Бензином.

— Странно, — прошептал он, проводя пальцем по моим наброскам. Его плечо почти касалось моего, и это невинное прикосновение отзывалось в теле странными, незнакомыми ощущениями. — И чудесно. Вы должны скучать по этому.

Тишина повисла между нами — тёплая и доверительная, наполненная невысказанными словами и робкими чувствами.

— Я скучаю по многому, — призналась я, глядя на пляшущие тени от камина, которые рисовали на стенах причудливые картины прошлого. — По запаху кофе по утрам. По шуму дождя по асфальту. По... по людям. По обычным разговорам ни о чём, по смеху друзей, по ощущению, что ты не один в этом мире.

Он помолчал, словно взвешивая каждое слово, а потом спросил так тихо, что это было похоже на дуновение ветра:

— Алина... а где ваша семья?

Вопрос, которого я бессознательно ждала и которого боялась. Я закрыла глаза, чувствуя, как привычная стена поднимается внутри — холодная и непроницаемая, выстроенная годами одиночества. Но ему я хотела ответить правду, открыть то, что прятала даже от себя.

— Их нет, — выдохнула я, и слова обожгли горло. — Они погибли. Мне было семнадцать. Я почувствовала, как он замер, словно время остановилось в этот миг.

— Как? — его голос был беззвучным шёпотом, в котором читалось неподдельное сочувствие.

— Автокатастрофа. Так сказали врачи. Я... я ничего не помню. Я была в коме почти полгода. А когда очнулась... — я сделала паузу, глотая ком в горле, — меня уже ждала пустота. И чужая тётка, которая сообщила мне, что я теперь одна. Как будто я и раньше не была одна. Просто не знала об этом.

Я рискнула посмотреть на него. Его лицо было омрачено болью, но не жалостью — той особой болью, которую узнаёшь только через собственное страдание. Он смотрел на меня как на равную — как на человека, который тоже потерял что-то безвозвратно, кто знает, каково это — просыпаться в мире, где больше нет тех, кто делал его целым.

— Я тоже ничего не помню о том дне, когда мать... — он не договорил, но я поняла. Мы были связаны не только проклятием и поиском спасения. Мы были связаны этой дырой в памяти, этим отсеком боли, который был наглухо запечатан нашим собственным разумом, чтобы мы не сошли с ума.

Он не сказал «мне жаль». Он не стал предлагать пустых утешений, не стал говорить банальные слова, которые только ранят сильнее. Он просто протянул руку и накрыл ею мою, лежавшую на раскрытой книге. Его ладонь была тёплой и шероховатой, и в этом прикосновении было больше правды, чем во всех речах мира.

В тот вечер, когда я уже собиралась уходить, он не убрал руку сразу. И я не отняла свою. Мы сидели так — в тишине его библиотеки, где часы отсчитывали не минуты, а мгновения нашего сближения. Двое потерянных душ, нашедших в другом тихую гавань, где можно просто быть. Без масок, без титулов, без груза прошлого — просто двумя ранеными людьми, которые учатся дышать заново, открывая друг в друге то, что давно считали утраченным: надежду.

Это случилось незаметно, как естественное дыхание. В какой-то момент среди пыльных фолиантов и шёпота перьев его «Ваше Высочество» растворилось, уступив место простому «ты». И моё сердце отозвалось на это трепетным, пугливым согласием.

Мы как раз возвращались из библиотеки, и разговор сам собой перетёк на что-то лёгкое. Он рассказывал о том, как в детстве пытался подражать фокусникам с придворного праздника и устроил небольшой пожар в зале для приёмов.

— И что, тебя наказали? — спросила я, с трудом скрывая улыбку.

Он покачал головой, и в его золотых глазах плясали весёлые искорки. Они всё чаще смотрели на меня именно так — без тяжести короны и груза проклятия.

— Отец был в ярости, но мать... Мать сказала, что любой, у кого хватит духу поджечь гобелены в попытке сотворить магию, заслуживает второго шанса.

Мы остановились в солнечном пятне, падавшем из высокого окна в коридоре. Я смотрела на него, на эту новую, расслабленную версию Каэля, и чувствовала, как что-то тёплое и настойчивое разливается у меня внутри. Меня тянуло к нему — к его спокойной силе, к его уязвимости, которую он показывал только мне. Это было опасно. Безумно опасно. И всё же я не могла заставить себя отступить.

— Она была мудрой женщиной, — прошептала я.

— Да, — его взгляд стал глубже, мягче. Он смотрел на меня, и мне казалось, что он видит не просто целительницу из другого мира, а меня саму. — Иногда мне кажется, что её мудрость...

— Ваше Высочество! Какая неожиданная встреча!

Голос, холодный и отточенный, как лезвие кинжала, разрезал уютную атмосферу нашего пузыря. Мы оба вздрогнули и разом отпрянули друг от друга, как пойманные на месте преступления школьники.

Из-за поворота выплыла леди Эвридика. Её платье шелестело шёлком, а взгляд скользнул по мне с таким презрением, что я почувствовала себя грязью на его идеально отполированных ботинках.

— Леди Эвридика, — Каэль кивнул, и его лицо вновь стало маской учтивого, но отстранённого принца. Разговор на «ты» повис между нами призраком, напоминая о том, что только что было и что так быстро закончилось.

— Я всё чаще замечаю вас вместе с нашей... гостьей, — она сладко улыбнулась, но её глаза оставались холодными. — Не поделитесь, какими важными делами вы заняты? Библиотека, прогулки... Это кажется таким необычным времяпрепровождением для наследника престола.

Она впиалась в меня взглядом, выжидая. Раздражение, острое и жгучее, подступило к моему горлу. Эта женщина, как тень, преследовала нас, и её настойчивость начала превышать все дозволенные границы.

— А какое, собственно, дело до этого вам? — прозвучало у меня резче, чем я планировала.

Эвридика медленно перевела взгляд на Каэля, будто ища у него защиты от моей грубости, но он молчал, и его лицо было невозмутимо.

— Милая девочка, — её голос стал шелковисто-опасным, — я — советница короля. И всё, что касается безопасности и благополучия принца, касается напрямую и меня. Особенно когда речь идёт о... сомнительных связях.

Она сделала паузу, давая словам повиснуть в воздухе обвинением.

— Его Высочество всё ещё слаб после своей болезни, — продолжила она, и её взгляд снова вернулся ко мне, пристальный и пронзительный. — И ему не стоит утруждать себя... излишними изысканиями. Некоторые знания могут быть опасны. Для всех участников.

Она не угрожала прямо. Но каждое её слово было ядовитым лезвием, обёрнутым в бархат.

— Я ценю вашу заботу, леди Эвридика, — наконец вмешался Каэль, его голос был ровным, но в нём слышалась сталь. — Но мои занятия с Алиной — это моя личная инициатива. И моё личное дело.

Эвридика склонила голову в подобострастном кивке, но в её глазах бушевала буря.

— Разумеется, Ваше Высочество. Я лишь умоляю вас быть осторожным. Замок полон... скрытых опасностей. И некоторые из них могут казаться весьма безобидными на первый взгляд.

С этими словами она ещё раз бросила на меня уничтожающий взгляд, развернулась и удалилась, оставив за собой шлейф дорогих духов и тяжёлое, гнетущее молчание.

Я стояла, чувствуя, как дрожь бежит по моим рукам. Это было не просто предупреждение. Это была декларация войны.

Каэль повернулся ко мне, его лицо было серьёзным.

— Не обращай на неё внимания.

— Она знает, — прошептала я, поднимая на него взгляд. — Она не знает точно, но догадывается, что мы что-то ищем.

Он кивнул, и в его глазах я увидела то же понимание, что было во мне. Игра стала ещё опаснее. Но тот миг в солнечном пятне, тот миг до её появления... Он показал, что есть нечто, ради чего стоит рисковать. Что-то, что было страшнее и прекраснее любой древней магии.

Глава 12

Однажды, когда солнце уже клонилось к закату и длинные тени ложились на пергамент, мой взгляд зацепился за строки в манускрипте, столь древнем, что его кожаный переплёт крошился от прикосновения. Это был не связный текст, а скорее набор странных, почти поэтических метафор. Я провела пальцем по выпуклым буквам, пытаюсь уловить ритм, скрытый за причудливыми образами.

«...и да падёт чешуя драконья в чашу, где кровь звёздной росой распита, дабы свет, что во тьме почиет, воспрял от сна и узы расторг...»

Я перечитала это раз, другой, третий. Смысл ускользал, как скользкая рыба. Это было не похоже на сухие описания симптомов или сложные заклинания, которые мы находили раньше. В этих строках чувствовалась иная природа — не научная, а ритуальная, почти мистическая.

— Каэль, — позвала я тихо, отрываясь от книги, — посмотри на это.

Он отложил свой свиток и подошёл, наклонившись надо мной. Его плечо почти касалось моего, и от этого знакомого тепла по спине пробежали мурашки. Я невольно задержала дыхание, чувствуя, как усиливается привычное волнение рядом с ним.

— Что там? — его дыхание шевельнуло волосы у моего виска.

— Я не уверена, но... послушай, — я прочла строки вслух, и странные слова зазвучали в тишине библиотеки ещё загадочнее, словно пробуждая эхо забытых времён.

Он нахмурился, повторяя про себя: «Чешуя драконья... кровь звёздной росой распита...» Затем выпрямился и начал медленно прохаживаться перед камином, вцепившись пальцами в прядь тёмных волос.

— Это не медицинский трактат. Это... аллегория. Поэтический шифр.

— Но о чём? — Я встала и последовала за ним, чувствуя, как азарт открытия начинает пульсировать в висках. — «Чешуя драконья» — это, наверное, буквально часть дракона. Но какая? А «чаша, где кровь звёздной росой распита»?

— Звёздная роса... — он замер, глядя на огонь. В его глазах отражались танцующие языки пламени, придавая взгляду загадочное сияние. — В самых древних легендах так называли лунный свет, падающий на определённые магические кристаллы. А «кровь»... — он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнула догадка. — Это может быть не кровь. Это может быть... сущность. Жизненная сила.

— То есть «чаша» — это сосуд, наполненный лунной энергией? — предположила я, подхватывая его мысль. Сердце забилося чаще. Мы были на пороге чего-то важного.

— Возможно! — его лицо озарилось редкой, по-настоящему безоблачной улыбкой. Он схватил мои руки, его пальцы сжали мои ладони в порыве восторга. — А «свет, что во тьме почиет»? Алина, это же оно! Проклятие! Оно описывает не саму болезнь, а ритуал её обращения!

Мы стояли, держась за руки, как два ребёнка, нашедших спрятанный клад. Воздух между нашими лицами казался заряженным, живым. Его золотые глаза сияли, отражая огонь и моё собственное раскрасневшееся от волнения лицо. В этот миг не было ни принца, ни целительницы из другого мира. Были только мы двое, объединённые общей тайной, общим открытием. Время словно остановилось, оставив нас в этом мгновении — полном света, надежды и взаимного понимания.

— Нужно записать это, — прошептал он, не отпуская моих рук. Его взгляд скользнул по моим губам, и я почувствовала, как по телу разливается тепло, от которого стало трудно дышать. — Все ассоциации. Все догадки.

— «Дабы свет воспрял от сна и узы расторг», — повторила я, и слова звучали уже не как бессмысленная тарабарщина, а как обет. Как надежда. Они обрели вес, смысл, силу.

Он наконец отпустил одну из моих рук, чтобы провести пальцем по ветхой странице, будто боясь нарушить хрупкую магию момента.

— Мы на правильном пути, — сказал он с новой, железной уверенностью в голосе. — Я чувствую это. Мы разгадаем это, Алина. Вместе.

Его слова отозвались в душе странным, двойственным чувством: с одной стороны — восторг, с другой — тревога. Потому что «вместе» значило больше, чем просто совместное исследование. Оно означало доверие, близость, связь, которую уже невозможно разорвать.

И в тот вечер, когда мы склонились над чистым листом бумаги, спеша запечатлеть рождающуюся теорию, я поняла, что дело не только в проклятии. Дело в этом «вместе». И это пугало и окрыляло одновременно. Мы писали не просто гипотезы — мы писали новую главу нашей истории, где каждое слово, каждый взгляд, каждое прикосновение становились частью чего-то большего, чем мы сами.

Я провалилась в глубокий, безмятежный сон, как вдруг сквозь толщу забытья до меня донёсся шёпот. Сначала я подумала, что это ветер за окном, но звук настойчиво повторял моё имя: «Алина...»

Я резко села на кровати — сердце колотилось где-то в горле. В крошечной тьме комнаты плавало единственное пятно света: одинокая свеча в подсвечнике. И за ней — его лицо. Каэль. Он стоял в нескольких шагах от кровати, залитый трепетным светом пламени. Одеяло сползло с меня, и я с испуганным вздохом рванула его к подбородку, чувствуя, как жар стыда заливает щёки. На мне была лишь тонкая ночная рубашка.

— Каэль? — прошептала я; голос сорвался от сна и неожиданности. — Что случилось?

Он сделал шаг ближе, и я разглядела его как следует. Он выглядел ужасно: глаза были красными и лихорадочно блестели, словно он не спал всю ночь; тёмные круги легли под ними, а волосы были всклокочены, будто он постоянно проводил по ним рукой.

— Я не мог... — его голос был хриплым, сдавленным. Он нервно сглотнул. — Я не мог уснуть после того, что мы нашли. Я продолжал листать тот фолиант.

Он говорил быстро, взволнованно, жестикулируя свободной рукой. Я видела, как его пальцы слегка дрожат.

— Успокойся, — мягко сказала я, всё ещё прижимая к себе одеяло как щит. — Глубоко вдохни. Что случилось?

— Я, кажется, задремал, — он с отвращением покачал головой, словно ругая себя за слабость. — И дёрнул рукой. Книга упала... Я такой неуклюжий болван — я мог её испортить! — Он провёл рукой по лицу. — Одна страница выпала. Я поднял её, хотел проверить, откуда она, поднёс к свече... и увидел.

Он протянул ко мне смятый лист пергамента. В тусклом свете я не видела ничего, кроме пожелтевшей поверхности и выцветших чернил.

— Я ничего не вижу, — призналась я.

— Подожди, — он поднёс страницу прямо к пламени свечи, так близко, что я испугалась — не загорится ли она. — Смотри.

И тогда в оранжевом свете сквозь тонкую бумагу проступил контур — едва заметный, будто нарисованный серебристой пылью или паутиной. Сначала я не могла разобрать, что это: прямоугольник, а внутри... какие-то палочки?

— Что это? — прошептала я, прищурившись.

— Это кровь дракона, — его голос дрожал от благоговения и возбуждения. — Вернее, эликсир на её основе. Такими чернилами пишут или рисуют, чтобы скрыть послание от посторонних глаз. Его можно увидеть только в свете чистого огня.

Я вгляделась. Прямоугольник был не просто фигурой. Он напоминал... клетку. Мощную, с толстыми прутьями. А внутри, на полках, лежали свёртки. Свитки.

— Это... кладовая? — предположила я, всё ещё не понимая.

— Тайное хранилище, — поправил он, и его глаза горели. — Под замком. Глубоко под замком. О его существовании знают, наверное, лишь король... и я. Вернее, знал. Мать... она отдала мне ключ от него, когда я был ещё мальчишкой. Говорила, что однажды он мне понадобится для чего-то очень важного.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде читалась безудержная, почти безумная решимость.

— Алина, мы должны спуститься туда. Сейчас.

— Сейчас? — я снова отпрянула, сжимая одеяло. — Каэль, посреди ночи?

— Да! — он выдохнул. — Я не могу ждать. Я не усну, не проверив это. Пожалуйста.

Его мольба была такой искренней, такой насущной, что сопротивляться было невозможно. Я кивнула, чувствуя, как сумасшедший азарт начинает пульсировать и в моих жилах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.